МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула

ЯЗЫК И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМОВ

МУРМАНСК
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула

ЯЗЫК И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМОВ

МУРМАНСК
2013

УДК 811.511.12
ББК 81.662
И19

Печатается по решению Совета по научно-исследовательской работе и редакционно-издательской деятельности Мурманского государственного гуманитарного университета

Рекомендовано к печати кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики МГГУ (протокол № 7 от 16.02.2013 г.)

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием на научно-исследовательскую работу, проект 6.4926.2011.

Авторы: **О.Н. Иванищева**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики (МГГУ);
В.Б. Бакула, старший преподаватель кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики (МГГУ)

Рецензенты: **Л.С. Вагинова**, доктор культурологии, профессор Мурманского государственного гуманитарного университета;
А.А. Антонова, учитель саамского языка, переводчик с саамского языка, носитель кильдинского диалекта саамского языка

Иванищева О.Н., Бакула В.Б.

Язык и духовная культура кольских саамов / О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула. – Мурманск: МГГУ, 2013. – 90 с.

Монография представляет описание положения саамского языка на Кольском полуострове, а также лексико-грамматический и этнолингвистический анализ некоторых тематических групп лексики духовной культуры кильдинского диалекта саамского языка. Предназначается для всех, кто интересуется саамским языком и культурой малочисленного народа Севера.

Печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4222-0179-2

© Иванищева О.Н., Бакула В.Б., 2013
© Оформление. ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и разделяется на западную и восточную группы диалектов. В данной работе в основу описания положен кильдинский диалект, который является языком письменности саамов Кольского полуострова. Кильдинский диалект, самый распространенный в группе кольско-саамских диалектов, принадлежит к восточной группе диалектов саамского языка. Саамы Кольского полуострова в основном проживают дисперсно, местом их компактного проживания является село Ловозеро Мурманской области.

Язык саамов Кольского полуострова относится к постепенно угасающим языкам, что связано с отходом саамов от традиционных промыслов и традиционного образа жизни, дисперсностью проживания саамов, отсутствием образовательной среды, функционированием двух орфографических систем, невостребованностью саамского языка в среде саамов, длительностью воздействия на саамский язык русского языка. С исчезновением носителей саамского языка исчезает и самобытная саамская духовная культура. В этих условиях *актуальной* задачей становится фиксация и исследование лексики духовной культуры коренного народа Севера.

Целью данной работы является описание положения саамского языка на Кольском полуострове, а также лексико-грамматический и этнолингвистический анализ некоторых тематических групп лексики духовной культуры кильдинского диалекта саамского языка. *Новизна* данного исследования заключается в том, что впервые предприняты фиксация, классификация, лексико-грамматический и этнолингвистический анализ лексики духовной культуры кильдинского диалекта саамского языка. *Материалом* исследования послужили 816 лексических единиц кильдинского диалекта саамского языка, относящихся к духовной культуре саамов и полученных методом сплошной выборки из лексикографических источников, этнографических исследований, а также лексика, собранная В. Бакулой во время полевых исследований на Кольском полуострове (2008–2012 гг.). В качестве основных источников материала использовались этнографические, учебные, лексикографические и духовные издания, а также данные информантов – носителей кильдинского диалекта саамского языка.

ГЛАВА 1. СААМСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

1.1. Краткие сведения о саамах и саамском языке

Саамы – один из коренных малочисленных народов Крайнего Севера Европы, создавший оригинальную культуру оленеводов, рыболовов и охотников. Это один из древнейших народов уральской языковой семьи. Саамы живут в основном в пределах 4 стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая численность населения саамов – от 60 000 до 80 000: в Норвегии – 37 760, в Швеции – 15 000, в Финляндии – 5 800, на Украине – 136 саамов. По данным Информационных материалов об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.[1], в России на Кольском полуострове саамов насчитывается 1 771 человек.

Саамы в отличие от большинства современных, в том числе и финно-угорских, народов в антропологическом отношении едины. Это позволяет предполагать, что антропологическое становление саамов происходило в относительной изоляции при слабых контактах с другими этносами и, вероятно, совпадало по времени со становлением их языка и основных особенностей материальной культуры[2].

Самоназвание саамов – *samlinc, samlä, sābme, sapmelas* и др. Лопарями называли саамов их соседи: русские – лопарь; финны, карелы – lappi, шведы – lapp. До 1930-х гг. саамский народ в России называли «лопарями», сегодня это название устарело. В литературе о саамах наряду с названием «саамы» используется слово «саами».

Хотя саамы считаются на сегодняшний день одним из наиболее изученных этносов мира, проблема их происхождения остается недостаточно освещенной и дискуссионной. Для разрешения этого вопроса начиная с XIX в. было выдвинуто много гипотез, все они могут быть представлены в рамках трех основных концепций:

1)саамы – народ автохтонный, с глубокой древности занимает территорию на Севере Европы;

2)саамы – пришельцы с востока или юго-востока: Приуралья, реже Зауралья и Западной Сибири;

3)в образовании саамов принимало участие как местное, так и пришлое население (европеоидное и монголоидное)[3].

---

[1] Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года / Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/, свободный, Загл. с экрана.

[2] Манюхин И.С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. С. 7.

[3] Там же. С. 3–4.

Саамы с давних времен привлекали внимание исследователей, но изучение их истории и этнографии шло крайне неравномерно, а сведения, долгое время поступавшие лишь от немногочисленных путешественников, были крайне разноречивы. Возможно, о лопарях, называя их финнами, упоминает римский ученый Тацит (около 90 г. н.э.), отмечая их чрезвычайную дикость и отвратительную бедность[1].

В русских летописях население Кольского полуострова именуется как «лешая» (лесная) или «дикая лопь». В летописях рассеяны сведения о жизни, занятиях и верованиях саамов. Русские источники отмечали те же черты их быта, что и западноевропейские документы. Например, монашеские рукописи основанного в 1436 г. Соловецкого монастыря свидетельствовали, что «лопляне... яко зверие дикие живуще в пустынях непроходимых, в разселинах каменных, не имуще ни храма, не инаго потребного к жительству человеческому; но токмо животными питахуся, зверьми и птицами и морскими рыбами, одежа же – кожа еленей тем бяше»[2].

Можно предположить, что такие впечатления от саамов были связаны с настолько самобытной культурой этого северного народа, что она не могла быть понята соседними с саамами народами, стоявшими на более высоких ступенях развития.

В процессе освоения саамами северных пространств сложилась своеобразная арктическая культура этого северного народа, отличающая его не только от европейских соседей, но и от народов Зауралья (самодийцев, обских угров), сходных с саамами по условиям жизни. В общественной жизни саамов, вплоть до начала XX в., сохранялись пережитки первобытнообщинного строя[3].

Авторы этнографической литературы чаще всего характеризуют саамов как дикарей или полудикарей. Показателями малой развитости последних являются, главным образом, экономический, общественный и религиозный аспекты. Критике подвергают традиционный способ ведения хозяйства саамов, в первую очередь, их кочевой образ жизни. Придавая большое значение религиозному аспекту, М. Кастрен считает, что в этом отношении саамы стоят «на очень низкой степени» и «подобный дикий народ вовсе не способен к высокому религиозному понятию». Авторами низко оценивается уровень социального развития саамов.

Менее предвзято к оценке и описанию культуры саамов подходят сторонники просветительских взглядов. В.И. Немирович-Данченко пишет следующее: «Вообще, зачастую мне приходилось убеждаться, что лопари далеко не так глупы, как рассказывают о них русские поморы. Способности их ничуть не ниже наших, изобретательность и сообразительность тоже».

---

[1] Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. С. 11.

[2] Кошечкин Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 118.

[3] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. М.: Мысль, 1972. С. 255, 256.

Феномен культуры саамов в этнографических текстах рассматривается с разных точек зрения:

1) коренные народы изображаются как полудикари или же как «меньшие братья», отставшие в развитии от европейцев и неспособные на самостоятельное решение своих экономических и социальных проблем;

2) несмотря на декларацию о защите прав саамов и признание некоторых негативных последствий русско-саамских контактов, при опоре на эволюционистские и просветительские идеи происходит оправдание колонизационного процесса и политики внедрения саамов в структуру российского государства, что приводит к разрушению культуры традиционного типа и утрате культурной самобытности[1].

Саамы – народ самобытной арктической культуры, однако «культура их не образует круга явлений, присущих лишь саамам»[2]. Этнографическая самобытность коренного народа явилась результатом их проживания с незапамятных времен в суровых арктических условиях Севера, разнообразных культурных связей саамов, которые исторически уходят в глубокую древность[3]. «Исследования, произведенные в различных районах Заполярья, свидетельствуют, что Арктика неоднократно заселялась пришельцами из южных таежных районов, приносивших с собою различные культурные этнические типы. Говорить о существовании здесь единой культуры, охватывающей весь арктический регион в какой-либо период каменного века или эпохи раннего металла <…> нельзя»[4]. Сохранившиеся предания о подземных жилищах, геометрический орнамент, поклонение сейдам (священным камням), сакральное значение белых оленей, саамские нойды (колдуны) свидетельствуют в пользу культурных связей саамов с народами Европы и могут относиться к периоду варварства. Культурную близость саамов с народами Севера В.Г. Богораз-Тан охарактеризовал так: «В области религии можно указать на сходство представлений и рассказов о духах, очевидно относящихся к одной и той же ступени анимизма»[5]. Такое же сходство существует в представлениях, связанных с шаманством[6]. Форму хозяйства, образ жизни, бытовой уклад, особенности духовного склада и художественного творчества коренного народа на всех этапах его

---

[1] Бодрова О.А. Специфика описания культуры саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века [Электронный ресурс] // Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера / Режим доступа: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=opensource/40, свободный. Загл. с экрана.

[2] Волков Н.Н. Вопросы этнической принадлежности и происхождения саамов // Наука и бизнес на Мурмане. 2007. № 4. С. 43.

[3] Там же. С. 43.

[4] Гурина Н.Н., Хлобыстин Л.П. Заселение Арктики // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. М.: Наука, 1975. С. 410.

[5] Волков Н.Н. Вопросы этнической принадлежности и происхождения саамов. С. 44.

[6] Там же. С. 45.

существования в значительной степени определили природные условия Севера[1]. Однако хозяйственно-культурные особенности неодинаковы для всех групп саамов, они разнятся в зависимости от территории, на которой проживают группы: в лесных районах северной Швеции и Финляндии саамы занимались в основном охотой на дикого северного оленя и пушных зверей, а также лесным оленеводством; на побережье Северного Ледовитого океана – морским рыболовством; в горных районах Норвегии, Швеции и Финляндии – преимущественно оленеводством[2]; на Кольском полуострове у западных кольских саамов (нотозерских, бабинских, екоостровских) ведущую роль играло озёрно-речное рыболовство, у северо-западных (пазрецких, печенгских, мотовских) – морское рыболовство. В конце XVIII – начале XX вв. около 70% взрослого саамского населения занималось промыслом трески. У восточных саамов значительную роль играло оленеводство, дополняемое промыслом сёмги. В XIX в. каменские саамы охотились на дикого оленя. Все саамы охотились на крупных (лось, волк) и мелких животных, птиц.

В основе этнографической самобытности саамов лежит оленеводство[3]. Своеобразный тип хозяйства российских саамов связан с сезонными перекочевками и уникальной социальной организацией, т.н. сыйтом, собрание старших или глав семей контролировало охотничьи и рыболовные угодья семей. Цикл кочевания зависел от местного ландшафта, времени года и от биологических особенностей поведения оленей, рыб, птиц и зверей. «Потому кочующие, что лопарь живет по рыбе и по оленю. В жаркое время олень от комара подвигается к океану. Лопарь – за ним»[4]. Характер традиционного саамского хозяйства предполагал бережное отношение к природе. Саам никогда не брал рыб или птицы больше, чем нужно для нужд семьи.

Таким образом, все эти условия существования саамов сформировали их этнографическую самобытность.

Цикличная система хозяйства просуществовала у саамов в чистом виде до начала XX в. Систему эту разрушила ликвидация традиционной системы пользования угодьями в 1917 г. и последовавшая вслед за этим коллективизация[5]. Промышленное освоение края принесло значительный урон природе и традиционным видам хозяйственной деятельности. Саамов, по замечанию известного исследователя саамского языка и культуры

---

[1] Мосолова Л.М., Вагинова Л.С. История культуры Кольского Заполярья: курс лекций. СПб.: Астерикон, 2006. С. 19.

[2] Керт Г.М. Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 39.

[3] Волков Н.Н. Вопросы этнической принадлежности и происхождения саамов. С. 46.

[4] Керт Г.М. Саамский язык. С. 41.

[5] Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 19–20.

Г.М. Керта, отторгли от привычной среды обитания: отрасли хозяйства, считавшиеся исконно саамскими, подчинены государственным структурам и не приносят того дохода саамскому населению, который могли бы[1]. Саамы составляют 0,15% населения Мурманской области. В последние годы отмечается некоторая динамика численности саамского населения. Это, однако, не означает изменения демографической ситуации: смертность среди коренного населения высокая, а рождаемость, как и по всей России, низкая. Увеличение численности связано с фактором национального самосознания: все больше и больше представителей народности осознают себя частью своего народа и заявляют свою национальность.

В последние десятилетия у саамов в России отмечается подъем национального самосознания и культуры. Создана Ассоциация кольских саамов (1989), ассоциация малочисленных народов Севера «Родина» (1995), Общественная организация саамов Мурманской области (1998), развиваются народные промыслы, культурные и спортивные связи с зарубежными обществами и организациями саамов. Идет становление профессиональной литературы. Организован и функционирует национальный культурный Центр (1994). В 2010 г. на Втором съезде саамов было принято решение о создании Саамского парламента Кольского полуострова – выборного представительного органа саамского народа.

Вместе с тем одной из серьезных проблем становится сохранение саамского языка. «Еще никогда во всей истории саамского этноса вопрос языка и письменности не стоял так остро, по сути дела, на грани его полного исчезновения»[2]. Отход от традиционных занятий, дисперсность расселения саамов создают трудности функционирования языка в саамском социуме. В силу различных причин исчезли исконные саамские поселения Чудзяврь, Воронье, Иоканьга. Село Ловозеро остается единственным местом компактного проживания саамов на Кольском полуострове и возможностью устного общения. Уходят многие носители самобытной саамской культуры и языка, что грозит исчезновению этой культуры. В силу различных причин до 1982 г. язык российских саамов оставался бесписьменным языком. Недостаточное внимание уделяется сохранению саамского языка и сегодня: он преподается в интернате села Ловозеро факультативно и только в начальной школе. Функционируют две орфографические системы, которые в условиях незаконченного становления письменного языка дезорганизуют обучающихся[3]. Все это может привести к полной утрате языка, и

---

[1] Керт Г.М. Общие сведения // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 42.

[2] Богданов Н.Б. Саамы Кольского Севера на пороге третьего тысячелетия // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Кольские саамы на рубеже тысячелетий. № 4 (19). Мурманск: Кн. изд-во, 2000. С. 5.

[3] Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Культура са-

как следствие – нежизнеспособности этноса, главным отличительным признаком которого является язык. «Устойчивость этноса определяется не только способностью языка адекватно отражать все стороны жизни народа, но и тем, в какой степени языке функционирует в различных социальных группах населения»[1].

Саамский язык составляет отдельную группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Принадлежность саамского языка к уральской семье языков доказывается генетической общностью части словарного состава, а также словоизменительными и словообразовательными суффиксами, восходящими к уральскому праязыку. Однако по своим особенностям он наиболее близок прибалтийско-финским языкам[2], что связано с общностью происхождения и истории, территориальной близостью. Как и для прибалтийско-финских языков, для саамского характерны наличие развитой системы агглютинативных (приклеивающихся) аффиксов и аналитического способа (предлоги и послелоги) выражения грамматических значений. К собственным специфическим особенностям саамского языка относится внутренняя флексия (чередование гласной и согласной основы), что особенно характерно для восточных диалектов.

Языку саамов и его истории посвящено большое количество работ. Считается, что язык современных саамов восходит к северному прадиалекту, а южный прадиалект поглощен прибалтийско-финскими языками в процессе распространения их на Севере[3]. Тщательные статистические исследования современного словаря саамских диалектов Фенноскандии позволили сделать вывод о том, что в древности саамский язык был более един. Все теории о происхождении языка саамов могут быть сведены к двум точкам зрения.

Согласно первой точке зрения саамы считаются потомками некоего арктического народа, который сменил язык в результате контактов с древними финнами (К.Б. Виклунд, К. Ниельсон, Э.Н. Сетяля, П. Аристэ). Г.М. Керт и Ю.Х. Тойвонен в рамках этой гипотезы рассматривают саамов как древних самодийцев[4].

амского народа. № 5. Мурманск: Кн. изд-во, 2007. С. 12; Иванищева О.Н. Проблемы сохранения языка коренного малочисленного народа Кольского Севера и перспективы двуязычного образования // Материалы Международной научной конференции «Двуязычное образование: теория и практика» (26–28 апреля 2011 г., Хельсинки, Финляндия). Хельсинки: Хельсинский университет; СПб.: Златоуст, 2011. С. 108–109.

[1] Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов. С. 10.

[2] Керт Г.М. Саамско-русские языковые контакты // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. С. 99.

[3] Манюхин И.С. Происхождение саамов. С. 34.

[4] Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект): Монография. Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1971. С. 7–8.

Вторая теория исходит из существования в древности единой прибалтийско-финской общности. Основная масса носителей финского праязыка проживала к югу от Финского залива. Предки саамов занимали территорию между Ладожским, Онежским и Белым озерами и далее на восток вплоть до ареала волжских и пермских финнов. Германское влияние в I тыс. до н.э. привело к распаду прибалтийско-финско-саамской общности. В Северной Финляндии и Карелии предки саамов вступили в контакт с местным населением и получили от него определенные языковые и этнические признаки, отличавшие их от прибалтийских финнов.

Обе теории подтверждают участие в этногенезе саамов двух генетических компонентов: местного дофинского и южного древнефинского[1].

Саамский язык имеет не финно-угорский субстрат[2] (до трети словарного запаса саамского языка не имеет соответствий в уральских языках), что свидетельствует о не финно-угорских элементах, участвовавших в этногенезе саамов. В целом саамский язык может быть охарактеризован как синтетико-агглютинативный со значительным развитием внутренней флексии и аналитизма.

1.2. Язык и культура коренного малочисленного народа: проблема взаимодействия

В настоящей монографии предпринята попытка описания духовной культуры саамов через ее составляющую – язык.

Идея о том, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности»[3], представляется в современной науке как никогда актуальной. Особенно важным этот подход видится при рассмотрении вопроса о соотношении языка и культуры.

Вопрос о соотношении языка и культуры не новый в истории лингвистики. Идеи об одностороннем воздействии культуры на язык или языка на культуру сменяются идеями о взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры, их онтологического единства.

Взгляды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, А.А. Потебни и др. являются основой для современных представлений о языковой картине ми-

---

[1] Манюхин И.С. Происхождение саамов. С. 35.

[2] О субстрате в лексике саамского языка см., напр.: Иванищева О.Н., Бутылева А.М. Оленеводческая лексика кильдинского диалекта саамского языка // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып. 11. 2008. С. 166–173; Иванищева О.Н. Полевые исследования оленеводческой лексики саамского языка: сопоставительный анализ западных и восточных диалектов (к обоснованию темы) // Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сборник статей. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 25–30.

[3] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРРС, 2002. С. 7.

ра и национальной специфике языковых единиц, а в лингвистике все больше сторонников завоевывает мысль о рассмотрении языка как части культуры.

Понятие «культура» относится к разряду фундаментальных, исключительно важных, но терминологически неопределенных, широких, многозначных, т.е. таких, в которых каждый вкладывает свой смысл.

Культурологи разделяют понятие «культура» (как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека) и понятие «национальная культура» (как совокупность традиций, обычаев, норм, ценностей и правил поведения, общих для представителей одной нации, государства), утверждая, однако, что «ничейной» культуры или «культуры вообще» в принципе быть не может[1].

Таким образом, знание культуры предполагает принадлежность человека к данной нации. «Человеку должно быть неловко, если он не знает, кто такой Ломоносов, и не читал "Евгения Онегина". По подобным признакам человек не может быть отнесен к русской культуре. Его считают либо иностранцем, либо невеждой»[2].

Значение культуры для всестороннего понимания поведения человека, его психологии и языка больше не оспаривается современной наукой. Хотя в самом понимании этого слова многое неясно и спорно. Причина этого заключается в размытости самого объекта и в несовершенстве методов его исследования.

Из всего многообразия определений культуры нами используется понимание культуры, предложенное Ю.М. Лотманом, который рассматривает культуру как *совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения*[3].

Способы отражения культуры в языке – это фиксация в словах (вербализация) и в фоновых знаниях.

Фоновые знания представлены в литературе разными типами, построенными на разных основаниях.

По составу участников коммуникативного акта выделяют *социальные* (известные всем участникам речевого акта, например радиослушателям, читателям в массовой коммуникации, еще до начала сообщения), *индивидуальные* (известные только двум участникам диалога до начала их сообщения) и *коллективные* (известные членам некоторой социальной, профессиональной и др. совокупности людей до получения этого сообще-

---

[1] Культурология: XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 205.

[2] Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. 2-е изд. М.: Добросвет, 2000. С. 83

[3] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 395

ния)[1], или *социально-групповые* (свойственные некоторой социальной общности людей: врачей, педагогов, плотников, жильцов одного дома)[2].

Со стороны содержания фоновые знания разделяют на *житейские, донаучные, научные, литературно-художественные*[3]. Донаучные знания предполагают наличие каждодневного житейского опыта, «здравого смысла», уверяющего нас, что земля плоская, а солнце ходит вокруг земли. Наивный носитель донаучного сознания, накопив большое количество бытовых сведений и обнаружив, что не может увязать их воедино, призывает на помощь науку[4]. Кроме того, степень отвлеченности слова различна у людей образованных и необразованных. Необразованный человек часто верит, что болезнь можно «вогнать» и «выгнать»[5]. Для житейских представлений о предмете подчас основным становится его функция. Важно, что «из стакана пьют, по часам узнают время, шарф служит, чтобы согревать шею, пуговица – чтобы застегивать одежду»[6].

По степени общеизвестности и очевидности фоновые знания представляются как *тривиальные* и *нетривиальные*. Тривиальные знания не вербализуются в речевых актах, а суждения типа «животные едят пищу», «часы показывают время» вызывают недоумения, если это не учебная ситуация[7].

По степени распространенности фоновые знания классифицируются на три группы. Во-первых, *общечеловеческие* сведения (о солнце, луне, воде, ветре, дожде, рождении, смерти и т.д.), которые разделяются всеми людьми без исключения и благодаря которым люди всегда могут найти основу (общее социальное знание) для коммуникации. Во-вторых, *региональные* знания, т.е. ряд сведений, свойственных только жителям определенного района: например, люди, живущие в пределах двух тысяч километров от северного полюса, знают, что такое снег, а некоторые жители экватора могут этого не знать. Наконец, в-третьих, так называемые *страноведческие* знания, или знания, являющими социальными для населения только одной страны, или, если пределы страны совпадают с границами языковой общности, только для членов одной языковой общности[8]. В.С. Виноградов предлагает пользоваться термином «*фоновая информа-*

---

[1] Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высш. школа, 1989. С. 8.

[2] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 126

[3] Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003. С. 16

[4] Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 18–19.

[5] Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. С. 74

[6] Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. С. 48.

[7] Шабес В.Я. Событие и текст. С. 9

[8] Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 112

ция», т.е. социокультурными сведениями, характерными лишь для определенной нации или национальности, освоенными массой их представителей и отраженными в языке данной национальной общности[1].

При определении фоновых знаний необходимо, с нашей точки зрения, различать их когнитивную и коммуникативную сущность[2].

В первом случае подчеркивается, что фоновые знания по своей природе имеют внеязыковой характер и как часть имплицитного контекста (фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации) являются одним из видов *пресуппозиции*.

Во втором случае фоновые знания определяются как *общий фонд*, который позволяет говорящим на одном языке, т.е. пользующимся одними и теми же лексическими, грамматическими и стилистическими ресурсами, *понимать друг друга*, как *обоюдное знание* реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения[3].

Актуализация *когнитивной* сущности фоновых знаний дает возможность выявить обыденные (ненаучные) представления о мире носителя языка, напр., то, что связано у него с тем или иным словом. Ср.: *...говорили на хорошем русском, которому Богом дано выражать словами много больше, чем только смысл самих слов. В русской речи есть еще нечто – надсловие, подсловие, – а есть и что-то притулившееся рядом... Правильно делают те, кто упорно овладевает английским. Вот он как раз создан для того, для чего и быть языку, – для понимания, тогда как наш великий и могучий – и для понимания конечно же! – но и для того, что над... под... и сбоку...*[4]; *Я думаю, что, когда француз или англичанин говорит: Франция! Англия!.. он непременно представляет себе за этим словом нечто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю – Россия и – чувствую, что для меня это – звук пустой. И у меня нет возможности вложить в это слово какое-либо ясное содержание*[5].

Носителями фоновой информации, различающимися по *природе фонового потенциала*, могут быть паралингвистические единицы и явления (мимика, жесты, телодвижения, дистанция между партнерами по коммуникации); вербально-паралингвистические понятия (традиции и нравы, обычаи, праздники, национальные игры, этикет, народные приметы, поверья, предания) и единицы вербальной коммуникации (слова-этнореалии, фра-

---

[1] Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 86–87

[2] О когнитивной и коммуникативной предназначенности языка см.: Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. 2-е изд. М.: УРСС, 2003. С. 135.

[3] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотипн. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 498

[4] Щербакова Г. Восхождение на холм царя Соломона // Новый мир. 2000. № 3. С. 16.

[5] Горький М. Мещане // М. Горький. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6: Пьесы (1901–1906). М.: ГИХЛ, 1950. С. 25

зеологизмы, афоризмы, цитаты, прецедентные высказывания, имена собственные)[1].

Следовательно, единицы вербальной коммуникации, в первую очередь слов-этнореалий, и «стоящие» за ними фоновые знания являются частью культуры народа, специфика которых состоит в том, что они накапливают знания о ней постепенно. Эта функция накопления – кумулятивная функция – позволяет видеть знания о культуре народа в динамике.

В отношении языков коренных малочисленных народов Севера, «умирающих» языков, ориентация на кумулятивную функцию языка которая обеспечивает накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и материальной жизни народа, представляется особенно перспективной. В ситуации, когда естественная передача, например, саамского языка имеет тенденцию к исчезновению, для лингвиста важно заметить жизненно важную функцию языка – функцию накопления знаний и культурного опыта народа, который является носителем этого языка. Такая позиция позволит не только оставить для поколений то культурное богатство, которое накопил язык, но и во многом понять психологию народа, а значит, разработать верную стратегию его ревитализации.

С нашей точки зрения, понятия «сохранение» и «ревитализация» находятся в отношении пересекающихся множеств. Чтобы сохранить язык, необходимо его записывать, собирать о нем информацию, классифицировать и в конечном итоге знать, передавать *от носителей культуры к неносителям культуры.* Чтобы его ревитализировать, то есть оживить, необходимо его знать и передавать *от поколения к поколению носителей культуры*, а значит, перейти из стадии *знания* в стадию *понимания*.

Разница между «понимать» и «знать», а значит, изучать, с нашей точки зрения, существенна. «Одно дело – изучать, другое – понимать», – замечал М.И. Стеблин-Каменский, говоря о мифе[2]. Действительно, понимать – значит воспринимать как есть, сразу, в целостности, без анализа и расчленения. «Понять – значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее известное с уже известным, превращает ранее разрозненное в систему»[3]. Знать и изучать – это пытаться постигнуть постепенно, поэтапно, сравнивая и анализируя.

В любом случае хранение и ревитализация языка коренного малочисленного народа требует особого подхода к фиксации его культурного опыта, тех энциклопедических (внелингвистических, неязыковых, невер-

---

[1] Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 33–34.

[2] Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 225

[3] Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учебное пособие. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. С. 25.

бализованных) знаний, которые в лингвистике называют фоновыми знаниями носителя языка. В ситуации «умирающего» языка, обращаясь к фоновым знаниям, исследователь не только сохраняет язык и культуру, но в каком-то смысле и сам этнос.

В состав культурно-коннотированных единиц традиционно включаются слова и словосочетания с денотативным (слова, обозначающие денотаты, свойственные только данной культуре) и коннотативным (образным, переносным) культурным компонентом лексического значения, которые обозначают «безэквивалентные элементы культуры»[1].

В связи с вышеизложенными положениями в данной работе интересно рассмотреть фоновые знания языка, который имеют специфику своего употребления, – языка коренного малочисленного народа Кольского Севера саамов.

Фоновые знания носителей саамского языка, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать с двух позиций: во-первых, следует иметь в виду количество активных и пассивных носителей данного языка, а значит, информантов для исследователя; во-вторых, учитывать специфику фоновых знаний в ситуации отсутствия живой разговорной среды, условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры.

Для исследования фоновых знаний носителей саамского языка естественно обращение к их когнитивной, а не коммуникативной сущности, поскольку если исследовать фоновые знания определяются как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке понимать друг друга, то необходимо предположить, что есть активно функционирующая языковая среда.

Анализ социолингвистической ситуации, представленный в том числе в настоящей монографии, показал, что количество носителей саамского языка очень ограниченно, кроме того ограниченно количество художественных произведений на саамском языке, публицистика отсутствует вообще, словарей саамского языка мало, представлены только переводные и диалектные словари, толковых или ассоциативных словарей нет. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

---

[1] Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 174.

1.3. Социолингвистическая ситуация на Кольском Севере и проблема ревитализации саамского языка

1.3.1. Диалекты саамского языка на Кольском Севере

Относительно количества диалектов саамского языка в научной литературе встречаются разные мнения: от четырех диалектных групп до десяти[1]. Г.М. Керт на основании наибольших фонетических и морфологических различий между группами саамов предложил следующую классификацию саамских диалектов:

– *западные диалекты* (южносаамские диалекты в Швеции и Норвегии; диалекты уме в Швеции; диалекты пиите в Швеции и Норвегии; диалекты лууле в Швеции и Норвегии; северносаамские диалекты в Швеции и Норвегии);

– *восточные диалекты* (инарский диалект в Финляндии; колттский диалект в Финляндии, Норвегии и России; бабинский диалект в России, кильдинский диалект в России, йоканьгский диалект в России)[2].

Внутри диалектных групп саамского языка существует подразделение на более мелкие языковые группы – говоры.

В саамском языке имеется ряд диалектов с фонетическими, грамматическими и лексическими общностями, наряду с этим наблюдаются и значительные различия как в области фонетики, так и в лексике. Наличие нескольких диалектов в саамском языке отмечал М.В. Ломоносов, который стоял у истоков изучения Севера[3]. На значительные различия диалектов указывал Д.В. Бубрих: «Тут, что ни река, что ни долина, – особый диалект. Географически близкие друг другу диалекты сходны, а географически друг от друга отдаленные – различны, и это различие вместе с расстоянием нарастает. На расстоянии уже нескольких сотен километров возможность взаимопонимания уже полностью иссякает…»[4].

Это стало основанием для некоторых зарубежных ученых считать диалектные группы саамского языка отдельными языками[5]: «Фактически различные саамские диалекты столь же далеки друг от друга, как отдельные прибалтийско-финские языки, и можно было бы с полным правом го-

---

[1] Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 22.

[2] Керт Г.М. Саамский язык. С. 49.

[3] Кошечкин Б.И. История изучения саамов Кольского полуострова // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 60.

[4] Бубрих Д.В. О древней прибалтийско-финской речи // Известия Карело-финск. научно-исслед. базы АН СССР. 1949. № 1. С. 54.

[5] Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 118; Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Языки и культура кольских саами. № 2 (69). Мурманск: Кн. изд-во, 2010. С. 15.

ворить о нескольких саамских языках»[1].

По мнению Г.М. Керта, «нельзя не учитывать и того, что некоторые саамские диалекты не имеют резко разделяющих их границ и многие их диалектные признаки плавно переходят от одного диалекта к другому, образуя «диалектный континуум». Диалекты саамского языка на территории России относятся к восточной группе диалектов: колттский-нотозерский на северо-западе Кольского полуострова; бабинский (*Akkala*) в окрестностях о. Имандра; кильдинский диалект в центральной части Кольского полуострова; йоканьгский диалект (*ter, turja*) на восточной оконечности Кольского полуострова[2].

Степень сохранности и статус различных диалектов неоднородны: носителей бабинского (*аккала*) диалекта саамского языка осталось 1–2; йоканьгско-саамским диалектом (*терско-саамский*) владеют около 20 носителей; кильдинским диалектом саамского языка владеют около 700 носителей; нотозерским диалектом (*колтта-саамский, сколт, скольт*) в России владеют около 20 человек.

Существуют и другие данные относительно количества носителей саамских диалектов в России, однако степень расхождения невелика[3].

Общая численность саамского населения России больше числа носителей языка, поскольку многие саамы говорят только на русском.

Наличие нескольких диалектов в саамском языке привело к неравномерности их изучения.

Самым ранним языковым документом восточных диалектов саамского языка стал список из 95 слов и словосочетаний на йоканьгском диалекте[4], который составил в мае 1557 г. английский путешественник капитан С.Барроу, совершивший вынужденную остановку своего судна у мыса Святой Нос. Слова и словосочетания он записал по правилам английского гражданского письма, тем самым положив начало изучению восточных диалектов саамского языка. Впервые этот список был опубликован в Лондоне в 1589 г. Д. Аберкромби после некоторого усовершенствования транскрипции и приведения соответствующих эквивалентов из «Словаря саамов Кольского полуострова» А. Генетца опубликовал этот список из 95 слов вторично в журнале Финно-угорского общества в 1895 г. В 1937 г. список саамских слов был включен и опубликован в сборнике записок английских путешественников, побывавших в России в XVI–XVII вв., однако в примечании к русскому переводу он был назван «словами ненцев». Эта ошибка долгое время не была исправлена. В 2009 г. саамско-англий-ский словарь С. Барроу опубликован в научном альманахе «Вопросы уралистики» с дополнениями: саамский перевод в записи С. Барроу и его англий-

---

[1] Хайду П. Уральские языки и народы. С. 118.
[2] Керт Г.М. Саамский язык. С. 49.
[3] Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России. С. 20.
[4] Керт Г.М. Саамский язык. С. 51.

ский перевод снабжены саамскими словами в современном написании по словарю Г.М. Керта[1]. Однако словарь Г.М. Керта составлен к кильдинскому диалекту саамского языка, в то время как список слов С. Барроу, по замечанию самого Г.М. Керта, содержит слова йоканьгского диалекта. Поэтому «сравнивать слова в записи С. Барроу непосредственно со словами саамского языка в современной записи»[2] можно только относительно, в целях сравнительной характеристики двух диалектов. Соответствий на йоканьгском языке пока не предложено. Нельзя не согласиться с автором статьи А.А. Бурыкиным в том, что словарь С. Барроу «оказывается весьма ценным источником для изучения лексики саамских диалектов и истории лексического состава саамского языка в целом», а также имеет большую ценность для изучения саамско-германских и саамско-славянских языковых контактов[3].

В 1671 г. шведский учёный Г. Стирнхильм, описавший сходство саамского, финского и эстонского языков, и немецкий учёный М. Фогель, попытавшийся найти связь между финским, лапландским и венгерским языками, стали первыми, кто указал на то, что позднее стали называть финно-угорской языковой семьей[4].

В 1673 г. на латинском языке вышла в свет книга «Лаппония» шведского ученого, путешественника XVII в. И. Шеффера. XV глава этой книги «О лопарском языке» посвящена языку саамов.

И. Шеффер приводит список из 42 наиболее употребительных слов на саамском и дает их соответствия на русском и финском, после чего делает вывод: «Лапландский язык никогда коренным образом не отличался от финского, а является лишь его ветвью»[5]. Исследователь отмечает распадение «лапландского языка» на всем протяжении Лапландии на отдельные наречия и диалекты, довольно сильно отличные друг от друга[6], но примеры слов он берет из «лапландского языка», не указывая, каким именно диалектом пользуется. Исходя из того, что большая часть Лапландии в середине XVII в. административно входила в губернию Вестерботтен, принадлежащую Швеции, а также что И. Шефферу в создании его труда активно помогали губернатор Вестерботтена и священники северных приходов, можно сделать вывод, что в основе его лингвистических изысканий был северосаамский диалект. В пользу этого свидетельствует и то, что сам

---

1 Бурыкин А.А. Саамско-английский словарь Стефена Барроу 1557 г. // Вопросы уралистики. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 111–119.

2 Там же. С. 115.

3 Там же. С. 118–119.

4 Uralistica [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://uralistica.com/group/mordva?groupUrl=mordva&id=2161342%3AGroup%3A2795&page=16, свободный, Загл. с экрана.

5 Шеффер И. Лапландия. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2008. С. 207.

6 Там же. С. 211.

И. Шеффер упоминает «диалекты Торнеоской и Кемской Лапландии» как наиболее близкие к финскому языку и приводит из них образцы грамматических форм склонения существительных, сравнительные формы прилагательных и наречий, спряжение глаголов, формы местоимений[1]. Торниоский говор принадлежит северосаамским диалектам: «торниоский (Tornio) в Норботнии (Швеция)»[2]. Не соглашаясь с мнением ученых о том, что несхожие с финским слова в лапландском языке представляют собой татарские слова, И. Шеффер приводит список слов на русском, лапландском и татарском, чтобы доказать полное несоответствие лапландского и татарского языков.

В 1830 г. в работе русского гидрографа М.Ф. Рейнеке «Описания города Колы в Российской Лапландии» рассказывается о языке саамов приморских районов. С этих пор Кольский полуостров становится «ареной исследовательской деятельности финских ученых»[3].

В 1837 г. Э. Леннрот, финский исследователь карело-финского эпоса «Калевала», вместе с М. Кастреном, финским языковедом и этнографом, исследователем финно-угорских и самодийских языков, совершили большую этнографолингвистическую поездку по Лапландии, а в 1841 г. на Кольский полуостров совершил свою поездку сам М. Кастрен. Целью его интересов был бабинский диалект. Исследованием бабинского диалекта занимался финский исследователь Д. Европеус, который в 1856 г., совершив поездку к кольским саамам, сделал записи и по другим восточным диалектам. Д. Европеус собирал фольклор и языковой материал, составил на бабинском диалекте список слов, отражающих термины родства, названия растений и животных, частей тела, сторон света, небесных светил, металлов. Его список содержал также топонимы, начало одной саамской песни[4]. Работа Д. Европеуса имеет большое значение для исследователей лексики саамских диалектов в сравнительном аспекте. Это был первый опыт составления словаря на бабинском диалекте. Наряду с лексическим материалом Д. Европеус приводит парадигмы наиболее типичных существительных, прилагательных и глаголов йоканьгского диалекта[5].

В 1867 г. на западе Кольского полуострова побывал норвежский филолог И. Фриис с целью основательного изучения диалектов саамского языка[6].

В книге члена Королевского географического общества Э. Рэя «Полуостров Белого моря» (1881 г.) представлен словарь из 363 слов и выражений на саамском языке в переводе на английский, русский, самоедский языки.

---

[1] Шеффер И. Лапландия. С. 214–215.
[2] Керт Г.М. Саамский язык С. 49.
[3] Кошечкин Б.И. История изучения саамов Кольского полуострова. С. 61.
[4] Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование). Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 5–6.
[5] Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка. С. 18.
[6] Кошечкин Б.И. История изучения саамов Кольского полуострова. С. 61.

Дается классификация лексического материала по морфологическому принципу: в частности, предложены группы существительных, глаголов, местоимений, числительных и наречий. Среди слов саамского языка присутствуют заимствования из русского. В основу словаря положен йоканьгский диалект[1].

К этому же времени относится работа финского лингвиста А. Генетца, посетившего самые крупные саамские погосты Кольского полуострова. А. Генетц собирал фольклор, переводил на разные диалекты Евангелие от Матфея. Ценность работы ученого состоит в том, что в тексте его перевода отражена фонетическая и морфологическая структура бабинского диалекта второй половины XIX в. В «Словаре кольско-саамских диалектов» А. Генетца (1891 г.) дан список топонимов, антропонимов, образцы речи разных диалектов саамского языка, переводы некоторых глав Евангелия, а также отдельные легенды, песни.

В 1881 г. венгерский лингвист И. Халас в работе «Orosz-lapp nyelvtani vázlat»[2] впервые изложил основы грамматики кольско-саамских диалектов. В очерке дан краткий раздел по фонетике, однако работа посвящена главным образом описанию морфологии[3]. И. Халас выделяет разделы «Имя», «Глагол», грамматический анализ подтверждает примерами из текстов А. Генетца. Работа ценна тем, что в ней дается краткий раздел по словообразованию именных и глагольных частей речи. Работа И. Халаса является первым описанием морфологии кольско-саамских диалектов, поэтому в ней содержатся ошибочные сведения. Анализ ошибок проведен в работе П.М. Зайкова[4]. В 1883 г. «Очерк грамматики русских лопарей» был опубликован в журнале «Nyelvtudományi közlemények»/«Вестник языкознания». Основой очерка И. Халаса послужил кильдинский диалект.

В работе этнографа Н.Н. Харузина «Русские лопари» (1890 г.)[5] один из самых значительных разделов – «О древней религии лопарей и о следах древних верований среди современных русских лопарей» – посвящен вопросам верований саамов. Книга Н.Н. Харузина для исследователя саамского языка ценна тем, что содержит богатый лексический материал – саамские названия богов и духов, термины родства. Соответствия этим названиям на кильдинском диалекте приведены в редакции А. Антоновой в книге Н. Большаковой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем»[6].

---

1 Rae E. The White Sea Peninsula. A journey in Russiand Lapland and Karelia. London: Iohn Murray, Albemarle street. 1881. 350 s.

2 Очерк грамматики русских лопарей (перевод с венгерского здесь и далее наш. – *В.Б.*).

3 Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка. С. 19.

4 Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 12–13

5 Харузин Н.Н. Русские Лопари (Очерки прошлаго и современнаго быта) / Н.Н. Харузин. Москва: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1890. 472 с.

6 Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. С. 241.

В первой четверти XX в. в Сонгельском погосте изучали язык, фольклор и материальную культуру саамов финские исследователи Т. Итконен и С. Паулахарью[1]. В монографии Т. Итконена «Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах» (1916 г.) рассматриваются «типы чередований одиночных согласных с их долгими коррелятами, а также квантитативные чередования различных по качеству сочетаний согласных»[2], установлено наличие в кольско-саамских диалектах трех ступеней чередования.

Таким образом, до 1917 г. изучением восточносаамских диалектов на научной основе занимались в основном зарубежные ученые.

После 1917 г. в силу политических и исторических причин такая работа была затруднена. Приходилось пользоваться материалом, накопленным до указанного периода.

В монографии финского языковеда Э. Итконена «Восточносаамский вокализм с квалитативной точки зрения» (1939 г.) дается описание восточносаамского вокализма, освещена его история с древневосточносаамского и по возможности с древнесаамского периода[3]. В 1946 г. Э. Итконеном опубликованы исследования по структуре и развитию восточносаамской квантитативной системы – «Структура и развитие восточносаамской квантитативной системы»[4]. Исследования проводились на материале разных диалектов.

Словарь Т. Итконена в 2-х томах (1958 г.) «Словарь кольских и колтта диалектов» (далее – KKS) содержит богатый лексический материал диалектов Кольского полуострова. В словарной статье указывается, в каком диалекте и погосте употребляется слово, в каких источниках оно встречается с указанием года. Перевод слов дается на финском, норвежско-саамском и немецком языках, в отдельных случаях на русском. Религиозная лексика имеет пометы. Достоинством словаря является то, что в нем использована «чрезвычайно тонкая, безупречная в научном отношении аллофоническая транскрипция», однако пользование словарем затруднено, так как заглавное слово приведено на диалекте Патсйоки[5]. В связи с этим в словаре дан регистр на норвежско-саамском, немецком и финском языках во 2-м томе.

Финский лингвист М. Корхонен исследует словоизменение в диалектах саамского языка с точки зрения их происхождения и развития. Результатам его изысканий посвящены статьи «Спряжение в саамском языке

---

1 Кошечкин Б.И. История изучения саамов Кольского полуострова. С. 63.

2 Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 11.

3 Керт Г.М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова // Труды Карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание. 1960. Вып. XXIII. С. 112.

4 Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений филологических специальностей. Апатиты: Кольский филиал ПетрГУ, 2007. С. 33.

5 Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 10.

(Финитные категории)» (1967 г.) и «Спряжение в саамском языке (Именные формы)» (1974 г.). Монография М. Корхонена «Введение в историю саамского языка» (1981 г.) считается первой сводной работой по истории саамского языка[1].

В России изучение саамского языка и систематическая научно-исследовательская работа по разработке саамской письменности началась в 1926–1927 гг., когда был организован северный факультет при Ленинградском восточном институте им. А.С. Енукидзе в составе Ленинградского университета. Эта работа шла в общем русле создания и развития письменности для малочисленных народов крайнего Севера. Как отмечал Г.М. Керт, «в Советском Союзе исследование диалектов саамского языка проводилось по двум направлениям. Во-первых, данные саамского языка представляют научный интерес как для лингвиста-финноугроведа, так и для историка Севера. Во-вторых, создание письменности для саамов (как и для других народов Крайнего Севера) требовало безотлагательного изучения живых произносительных норм»[2].

С 1937 г. саамская письменность переведена на основу русской графики. В статье А. Эндюковского «Саамский (лопарский) язык» (1937 г.) описаны некоторые диалектные различия, предложен латинизированный алфавит саамского языка, классификация гласных и согласных, определены наиболее характерные чередования, рассмотрена морфология саамского языка. В разделе «Лексика» А. Эндюковский отмечает характерные осбенности саамского языка: одна из них – обилие в нем слов, «весьма конкретных по своему значению», что, по мнению ученого, свидетельствует «о большой конкретности мышления саама»[3]; другая особенность связана с тем, что вещи и понятия, «безразличные для саама с хозяйственной или какой-либо иной важной для него точки зрения, либо вовсе не имеют для своего обозначения соответствующих слов в его языке, либо называются словами, обладающими общим значением»[4]. В конце статьи приведен материал по лексике, текст на саамском с переводом на русский язык[5]. В основу описания положен кильдинский диалект.

Исследованием диалектов саамского языка в теоретическом плане в предвоенные годы занимался языковед А.И. Емельянов, однако его рукопись по фундаментальной грамматике языка саамов Кольского полуострова пропала во время войны в блокадном Ленинграде[6].

---

[1] Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 12.

[2] Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. М.: АН СССР, 1961. С. 9.

[3] Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 160.

[4] Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык. С. 161.

[5] Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 12.

[6] Керт Г.М. Саамский язык. С. 52.

Исследовательская работа по саамскому языку была приостановлена в связи с Великой Отечественной войной. В 1954 г. эта работа возобновилась в стенах Института языка, литературы и истории Карело-Финского (с 1956 г. – Карельского) филиала Академии наук СССР[1].

С 1954 г. под руководством финно-угроведа Г.М. Керта был проведен ряд экспедиций по сбору фольклорных, этнографических, топонимических материалов саамов Кольского полуострова, опубликован ряд статей по вопросам фонетики, морфологии, лексики, а также топонимики саамского языка. Монография Г.М. Керта «Саамский язык» (1971 г.)[2] представляет собой систематическое описание саамского языка, в основу которого положен воронинский говор кильдинского диалекта. Работа состоит из разделов «Фонетика», «Морфология», «Синтаксис». Под руководством Г.М. Керта был собран большой текстовый и магнитофонный материал по всем саамским диалектам.

В эти же годы В.В. Сенкевич-Гудкова занимается исследованием генетического родства саамского языка с самодийскими языками, саамской топонимией как историческим источником, лексико-семантическими особенностями гидронимии[3].

В монографии П.М. Зайкова «Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование)» (1987 г.)[4] дана история исследования бабинского диалекта, охарактеризована современная на то время языковая ситуация у бабинских саамов. Работа представляет собой первое систематическое описание фонологии, морфологических и морфонологических чередований, морфологии одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов – бабинского. В работе перечислены признаки, которые сближают диалекты бабинский и колтта, отмечены специфические признаки бабинского диалекта. В результате анализа фонологической и морфологической структуры бабинского диалекта ученый приходит к выводу, что бабинский диалект является переходным между кильдинским и диалектом колтта. В приложении к монографии даны 11 образцов текстов на бабинском диалекте саамского языка с переводом на русский.

В 80-х гг. XX в. стала возможной совместная работа зарубежных и русских ученых, что было связано с интенсивными контактами между западными и восточными саамами. В эти годы появляется опыт сравнительно-сопоставительного словаря саамских диалектов, которые предприняли ученые П. Саммаллахти и А. Хворостухина (1991 г.)[5]. Помимо лексических

---

[1] Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. С. 9.

[2] Керт Г.М. Саамский язык.

[3] Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 41.

[4] Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка.

[5] Sammallahti P., Хворостухина А. Unna sámi-cāмь sátnegirjjáš. Ohcejoka, 1991.

параллелей, в публикации приводятся парадигмы имен и глаголов, а также фонетические соответствия[1].

В 1996 г. в Норвегии вышла кандидатская диссертация репрессированного в 1947 г. Н.Н. Волкова «Российские саамы. Историко-этнографические очерки». В работе одна из глав посвящена общей характеристике саамского языка.

В 1998 г. в Финляндии издан труд исследователя языка и культуры Российских саамов З.Е. Чернякова «Очерки этнографии саамов». В работе рассмотрены вопросы происхождения саамов, место саамского языка в классификации народов мира. Автор труда говорит о протосаамских словах, на которые впервые обратил внимание В.К. Алымов[2].

В диссертации С.Н. Терешкина «Йоканьгский диалект саамского языка» (2002 г.) впервые были изучены сложная фонетическая система йоканьгского диалекта, важнейшие морфологические категории – имени и глагола; в научный оборот введен новый диалектный материал, которыл не был ранее предметом системного исследования. Сравнительный анализ фонетической системы трех восточных диалектов – йоканьгского, кильдинского и бабинского – позволил выявить наибольшие различия между йоканьгским и бабинским диалектами, кильдинский диалект при этом занял промежуточное положение, хотя обнаружил больше сходства с йоканьгским, чем с бабинским. В морфологической системе восточно-саамских диалектов было обнаружено больше сходства, в фонетической системе – различий. По мнению ученого, бабинский диалект является переходным от крайне восточных йоканьгского и кильдинского диалектов к диалекту колтта и другим западным диалектам саамского языка. Проведенные лингвистические исследования позволили сделать вывод о происхождении восточно-саамских диалектов из одного источника – единого праязыка[3].

В диссертации Г.В. Костиной «Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции» (2006 г.) впервые рассмотрены особенности реализации гласных в речи саамов с разным уровнем владения родным и русским языком. Специфическим дифференциальным признаком гласных кильдинского диалекта саамского языка Г.В. Костина называет «долготу-краткость». В результате спектрального анализа опровергнуто мнение Г.М. Керта, который представляет систему гласных кильдинского языка 18 фонемами[4]. На основе диссертации Г.В. Костиной разработан учебный курс «Саамский язык в полилинг-

---

[1] Керт Г.М. Саамский язык. С. 52.

[2] Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми: Университет Лапландии, 1998. С. 15.

[3] Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка. С. 135–138.

[4] Костина Г.В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 175 с.

вистической и поликультурной среде Кольского полуострова»[1].

В 2008 г. представлен учебный материал «Грамматика» и «Лексика» кильдинской разговорной речи в рамках проекта «Kola Saami Documentation Project» («Документация саамского языка Кольского полуострова»), осуществленного группой исследователей из Берлинского университета им. В. Гумбольдта. В «Грамматике» дается краткий очерк морфологии кильдинского языка, в «Лексике» представлены слова, распределенные потематическому признаку[2].

Таким образом, обзор литературы показывает, что степень изученности диалектов различна. В бабинском диалекте исследованию подвергались лишь отдельные вопросы морфологии, фонолого-морфологические исследования были представлены впервые в работе П.М. Зайкова[3]. Монографическое исследование материалов йоканьгского диалекта, предпринятое в работе С.Н. Терешкина, является первой попыткой системного описания крайне восточного диалекта саамского языка. Йоканьгский диалект остается до сих пор наименее исследованным из восточных диалектов саамского языка. В лингвистической литературе нет его удовлетворительного, целостного описания[4]. В более выгодном отношении находится кильдинский диалект саамского языка, что связано в первую очередь с его местом среди восточно-саамских языков: он является основой саамской письменности, его систематическому описанию посвящены ряд работ и монография Г.М. Керта.

Лексика восточно-саамских диалектов саамского языка изучалась с точки зрения состава: не финно-угорского субстрата, финно-угорского и прибалтийско-финского слоев лексики; с точки зрения заимствований; словообразования; морфологической структуры[5]. Наиболее исследованной оказалась топонимическая лексика благодаря работам Г.М. Керта. Лексика духовной культуры в научной литературе о саамах до сегодняшнего дня не получила своего освещения.

Г.М. Керт отмечал, что изучение восточно-саамских диалектов, к которым принадлежит кильдинский, всегда отставало от изучения других диалектов. Он подчеркивал важность изучения саамских диалектов Кольского полуострова с лингвистической точки зрения для финно-угорского

---

[1] Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. С. 3.

[2] Шаршина Н.С., Шеллер Э. (в сотрудничестве с Антоновой А.А.) Грамматика. Ч. 1: Ловозеро, 2008. 50 с.; Они же. Грамматика. Ч. 2: Ловозеро, 2008. 42 с.

[3] Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 3.

[4] Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка. С. 6.

[5] Керт Г.М. Значение саамского языка для финноугорского языкознания // Прибалтийско-финское языкознание. Выпуск XII. Труды Карельского филиала Академии Наук СССР, 1958. С. 105; Он же. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1975. Вып. 344: Тр. по финно-угроведению. 1. С. 159–166; Он же. Саамско-русские языковые контакты. С. 99–116.

сравнительного языкознания: «Необходимо лишь подчеркнуть чрезвычайную важность быстрейшего сбора лингвистического, топонимического и этнографического материала», который с каждым годом умаляется под напором культуры, идущей из городских центров в сельские местности»[1]. Особое внимание, по его мнению, следует уделить фиксированию лексики, так как лексика является наиболее уязвимым местом со стороны иносистемного языка[2].

1.3.2. Положение саамского языка на Кольском полуострове

Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств обязывает подписавшие государства признавать региональные языки или языки меньшинств в качестве отражения культурного богатства (ч. II, ст. 7)[3].

В настоящей работе предпринимается попытка показать, как может выглядеть отчет об оценке Комитета экспертов по Хартии, который контролирует ее применение в государствах-участниках, если бы Российская Федерация уже ратифицировала Хартию. В основу такого анализа легло моделирование применения Хартии в Российской Федерации по образцу мониторинга, проведенного в Алтайском крае 27 июля 2010 г.[4]

Моделирование является частью мероприятий Совместной Программы Совета Европы, Европейского Союза и Российской Федерации «Национальные меньшинства в России». Данная Программа способствует подготовке российских органов власти к ратификации Хартии, а также оказывает поддержку неправительственным организациям, занимающимся сохранением языков национальных меньшинств. Обязательство ратифицировать Хартию было принято Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы.

Необходимо отметить, что саамский язык, распространенный натерритории Российской Федерации, не находится в списке языковых меньшинств в базе данных Хартии Совета Европы. Там есть саамский язык в Норвегии, Финляндии и Швеции, но нет саамского языка в России.

В Мурманской области в 2002 г. были зарегистрированы 1 995 представителей коренных малочисленных народов Севера (Коренные малочисленные народы Севера в Мурманской области 2007), что составляет 0,19% общего числа населения: кеты (остяки с языком кетским), коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, ненцы, саами (лопари), ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, шорцы, эвенки (тунгусы с языком эвенкийским), эвены (тунгусы с языком эвенским), юкагиры. В 2002 г. саами составляли 88,6% общего

---

1 Керт Г.М. Саамско-русские языковые контакты. С. 113.
2 Там же. С. 117.
3 http://www.echr-base.ru/language_Europ.jsp.
4 http://www.coe.int/t/dc/files/themes/langues_minoritaire/default_RU.asp.

числа населения коренных малочисленных народов Севера (в 1979 г. их количество составляло 90,5%), ненцы – 8,1% (в 1979 г. – 7,7%), эвенки – 0,6% (в 1979 г. – 0,4%). По 0,5% общего числа коренных малочисленных народов Севера составляют ханты и шорцы, 0,3% – манси, 0,25% – кумандинцы, по 0,2% – кеты и чукчи, 0,15% – эвены, 0,1% – коряки, по 0,05% – нанайцы, ульчи, чуванцы, юкагиры.

Местами компактного проживания саамского населения являются следующие районы Мурманской области: Ловозерский (Ловозеро, Краснощелье, Каневка, Сосновка, Ревда), Ковдорский (Ена, Енский, Риколатва, Уполокша), Кольский (Лопарская, Тулома, Верхнетуломский). Некоторая часть саамов проживает в различных городах Мурманской области: Мурманск, Апатиты, ЗАТО Островной, Оленегорск, Мончегорск, Североморск, ЗАТО Полярный, Кола, Кандалакша, Кировск, ЗАТО Заозерск, Полярные Зори, Заполярный.

Анализ социолингвистической ситуации Мурманской области показывает, что в условиях русскоязычного окружения саамский язык во многом утратил свои позиции. Исторические, демографические, социальные и институциональные факторы, способствовавшие сложившейся ситуации языкового сдвига среди кольских саамов, рассмотрены в работе О.Н. Иванищевой и А.Д. Праховой[1]. Огромная работа, которая ведется общественными организациями, не приводит к увеличению численности населения, свободно владеющего саамским языком. По данным исследователя из Университета г. Тромсё (Норвегия) Э. Шеллер, из 700 представителей этноса, которые имеют знания кильдинского диалекта саамского языка на разных уровнях, более 200 человек являются потенциальными носителями, то есть людьми с хорошим пассивным знанием языка: они понимают все или многое, многие умеют говорить на кильдинском диалекте, но по разным причинам говорят не активно или вообще не говорят. Около 100 из 700 людей, владеющих кильдинским диалектом, являются активными носителями этого языка, то есть людьми, которые свободно говорят на саамском языке и используют его на всех уровнях[2]. Э. Шеллер с 2003 г. изучала ситуацию с саамским языком в России и возможности его ревитализации. В ходе полевых исследований, которые проводились преимущественно в селе Ловозеро, она смогла наблюдать следующие возможности и ресурсы, которые имеются для ревитализации кильдинского диалекта, но которые на сегодняшний день недостаточно эффективно используются: возродить Кольское саамское радио, усилить работу по созданию языковых гнезд, увеличить количество групп изучающих саамский язык, развивать среду, в

---

[1] Иванищева О.Н., Прахова А.Д. Ситуация языкового сдвига в местах распространения языка кольских саамов // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. М., 12–16 ноября 2007 г.: Тезисы. М.: РАН Институт языкознания, 2007. С. 81–84.

[2] Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России. С. 15–27.

которой знание кильдинского диалекта явилось бы обязательным (напр., рабочие места)[1].

Очевидно, что одной из проблем сохранения и развития саамского языка является отсутствие языковой среды: саамское население проживает на территории области дисперсно, а в связи с высокой стоимостью транспортных услуг и услуг связи и недостаточно развитой инфраструктурой отдаленных районов общение между саамами, проживающими в разных населенных пунктах, весьма ограниченно. Другой проблемой является отсутствие образовательной среды и учебно-методического обеспечения.

Одним из факторов, способствующих сохранению языка, является хозяйственная и культурная деятельность этноса (сохранение традиционных промыслов и культурных традиций саамского народа).

Знание/незнание языка не является, как показывает опыт, гарантией сохранения/утраты национальной идентичности. Как отмечал И.Ф. Ушаков, по опросу 1785 г. все лопари-мужчины и 70% женщин владели русским языком (разговорной речью). Лопари знали многие русские песни, сказки, поговорки. Многое перенимая у русских, лопари сохраняли родной язык и самобытную культуру[2]. А саамы в Швеции и Норвегии, утрачивая свой родной язык и культуру, не становятся ни шведами, ни норвежцами[3].

Однако положение саамского языка при этом не улучшается. Бытовые функции, выполняемые языком, отсутствие мотивации к изучению кильдинского, йоканьгского и нотозерского диалекта у молодежи Мурманской области по сравнению с интересом этой молодежи к изучению северосаамского диалекта, представленного на территории соседней Норвегии, старение носителей языка сводят на нет попытки ученых и педагогов возродить интерес к родному языку. Согласно статистическим данным за 1995 г. большая часть опрошенных саамов, проживающих в селе Краснощелье и селе Ревда, назвала русский язык родным (85% и 75% соответственно). Преобладало мнение (92% опрошенных), что в школе дети должны обучаться на языке саами и на русском языке. По итогам Всероссийской переписи 2002 г. из 1 769 саамов, проживающих в Мурманской области, 1 766 владеют русским языком (99,8%)[4].

Так как согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 17.04.2006 г. № 536-р «О едином перечне коренных малочисленных

---

[1] Шеллер Э. Ревитализация кильдинского языка – неиспользованные ресурсы // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы международной научной конференции. 10–11 марта 2011 г. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 38–47.

[2] Ушаков И.Ф. Избранные произведения: В 3 т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Книжное изд-во, 1998. Т. 2.: Кольский Север. С. 272–273.

[3] Дьячков М.В. Социальная роль языков в многоэтнических обществах: Пособие для ун-тов и пед. ин-тов. М.: Ин-т национ. проблем образования МС РФ, 1993. С. 13.

[4] http://www.gov-murman.ru/natpers/info/

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 13.10.2008 № 760, от 18.05.2010 № 352, от 7.06.2010 № 453, от 02.09.2010 № 669)[1] коренным малочисленным народом Мурманской области являются саами, что зафиксировано и в статье 21 Устава Мурманской области[2], ч. II Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств по Мурманской области может быть применена только к саамскому языку.

Согласно Конституции Российской Федерации государственным языком нашей страны является русский язык. Статья 26 Конституции и Статья 2 Закона «О языках народов Российской Федерации» (редакция 2002 г.) предусматривает общее право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, использовать свои языки[3].

Ч. II статьи 7 Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств гласит, что государство, ратифицировавшее Хартию, должно обеспечить а) признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния; б) соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства; в) необходимость решительных действий по развитию региональных языков или языков меньшинств для сохранения этих языков; г) содействие и/или поощрение устного или письменного использования региональных языков или языков меньшинств в общественной и в частной жизни; д) поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки; е) предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств; ж) предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему; з) содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях; и) развитие соответствующих форм транснационального обмена в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии по региональным языкам или языкам меньшинств, используемых в одинаковой или близкой форме в двух или более государствах.

---

[1] http://base.garant.ru/181870/

[2] http://www.gov-murman.ru/legal/charter/

[3] http://www.internet-law.ru/law/smi/iazyk.htm.

Посмотрим, как эти положения реализуются на практике по отношению к саамскому языку. Дальнейшее изложение строится по следующему плану: положение Хартии – положение дел – необходимые для выполнения положения Хартии меры.

Положение Хартии: признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния. *Положение дел:* саамский народ не признан в качестве выразителя культурного богатства саамского народа, и закона Мурманской области, напрямую касающего сохранения саамского языка как уникального культурного наследия, нет. *Необходимо:* признание саамского языка в качестве выразителя культурного богатства.

Положение Хартии: соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства. *Положение дел:* в Мурманской области районами проживания коренных малочисленных народов Севера являются городской округ Ковдорский район, Кольский муниципальный район, Ловозерский муниципальный район, Терский муниципальный район. Хотя, по всей видимости, не существует прямых механизмов, гарантирующих уважение географического района саамского языка, нет никаких признаков того, чтобы в последние годы возникали проблемы в таком отношении. *Необходимо:* по мнению председателя правления Мурманской областной молодежной саамской общественной организации саамов «Самь Нураш» О. Егоровой, районами проживания саами следует признать и г. Мурманск, и г. Североморск, где живут представители саамского народа.

Положение Хартии: необходимость активных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях их сохранения. *Положение дел:* естественная передача саамского языка имеет тенденцию к исчезновению. Естественной передачи саамского языка новым поколениям практически не существует, поскольку в семьях не говорят на этом языке. *Необходимо:* принять срочные меры по ревитализации саамского языка, в частности распространение методики языковых гнезд, где весь воспитательный процесс и общение с детьми строится на языке. Такая методика уже реально помогла восстановлению северосаамского языка в Норвегии, маори в Новой Зеландии, по ней работают с саамским языком в Финляндии[1]. Саамская общественность активно предлагает меры своего языка (создание языковых центров, Центра саамских знаний, кружков и курсов по изучению саамского языка). Членами инициативной группы по сохранению и развитию саамского языка в декабре 2009 г. в Мурманскую областную Думу было внесено предложение о создании «Центра практи-

[1] http://www.rosvesty.ru/1958/guest/

ческого языка» в селе Ловозеро. В задачи языкового центра включены организация языковых курсов и тренингов для разных возрастных групп, организация языковых встреч, дискуссий, лагерей, походов. Так, в июле 2009 г. на острове Чарвин в озере Ловозеро функционировал Летний лагерь по изучению кильдинского диалекта саамского языка[1]. Заинтересованность в сохранении своего языка и передачи знаний поддерживалась организаторами, сотрудниками Берлинского университета им. В. Гумбольдта, в том числе и материально: за участие в лагере носителям кильдинского диалекта выплачивалась «зарплата».

Положение Хартии: содействие и/или поощрение использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни. *Положение дел: и*спользование саамского языка в общественной жизни очень ограниченно: это, пожалуй, только реализация проекта «Кольское саамское радио», который начался в 2003 г. Его инициаторами выступили Союз саамов стран Баренц региона и саамские радиостанции Швеции, Норвегии и Финляндии. Средства на проект выделили сами инициаторы, а также Министерства иностранных дел Норвегии и Финляндии, Совет Министров Северных стран, фонд «Евразия», норвежский Саамский парламент, Баренц секретариат, Совет министров северных стран и программа Европейского союза Интеррег. Радиостанция разместилась в селе Ловозеро, где проживает более половины российских саамов. В 2005 г. саамское радио вещало на национальном языке 3 раза в неделю по 10 минут. В штате радио работали 6 человек. В настоящее время саамское радио испытывает экономические трудности: в январе 2010 г. было объявлено, что на протяжении длительного времени заработная плата работникам ЗАО «Кольское саамское радио» в полном объеме не выплачивается. Этот проект не был первой попыткой организовать радиовещание на саамском языке на территории Мурманской области. Ловозерские саамы впервые услышали радиопередачи в 1934 г. С 1990 г. вещание на саамском языке осуществляло отделение ГТРК Мурман в Ловозеро, но в 2000 г. эти передачи перестали выходить в эфир. Газет или телепередач на саамском радио в России в настоящее время не существует. *Необходимо:* создание условий для использования саамского языка в общественной жизни – это прежде всего функционирование средств массовой информации.

Положение Хартии: поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также

---

[1] Галкина Э.А., Шаршина Н.С., Максименко О.А., Ушакова Н.С., Данилова С.С., Медведева М.Г., Васильева А.В., Цмыкайло Т.Ф. Пути развития языков коренных малочисленных народов Севера // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Языки и культура кольских саами. № 2 (69). Мурманск: Кн. изд-во, 2010. С. 35–44.

установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки. *Положение дел:* существуют интенсивные контакты между носителями северосаамского языка в Норвегии и саамского языка в Мурманской области и их носителями. Поддерживаются контакты различными общественными организациями, в частности Саамский парламент и другие, но они не сосредоточены на изучении языка друг друга. Многие кольские саами уезжают изучать язык норвежских саами в Каутокейно, но приехавших изучать язык кольских саамов из-за границы практически нет. *Необходимо:* поддерживать существующие и налаживать новые контакты

Положение Хартии: предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств.

Положение дел: проблемы преподавания тесно связаны с историей создания письменности саамов. Создание письменности для кольских саамов всегда было сопряжено с определенными трудностями, поскольку языки народов Крайнего Севера были изучены недостаточно[1].

Первые отдельные попытки создания письменности для саамов были предприняты еще в конце XIX в. В 1878 г. финский ученый А. Генетц перевел Святое Евангелие от Матвея на кильдинский диалект саамского языка, саамский текст был написан русскими буквами. Затем в 1884 г. в г. Архангельске вышел перевод Евангелия от Матвея, сделанный русским священником К. Щеколдиным[2], а в 1895 г. вышла составленная им на нотозерском диалекте «Азбука для лопарей». Несмотря на то, что эти первые попытки имели своей целью приобщение саамов к христианству и такая письменность не нашла широкого применения, в научном отношении она представляет определенный интерес как первая попытка передать звуки языка кольских саамов на письме.

Работа по подготовке саамского букваря и другой учебной литературы, а также книг для чтения проводилась З.Е. Черняковым и А.Г. Эндюковским, а также студентами северного факультета при Ленинградском восточном институте им. А.С. Енукидзе в составе Ленинградского университета. В основу орфографии была положена латинская графика. Поскольку работа по внедрению письменности требовала подготовки кадров, знающих саам кий язык, в г. Мурманске и г. Ленинграде в период с 1933 по 1936 гг. неоднократно открывались специальные курсы для подготовки и повышения квалификации учителей. В 1933/34 уч. г. в начальных классах 7 школ г. Мурманска было введено обучение на родном языке, в области обучение саамских детей и подростков проходило в 17 школах[3].

---

[1] Керт Г.М. Саамский язык. С. 49.

[2] Подробнее о переводах духовных книг см. ниже (2.1.3).

[3] Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов. С. 11.

С 1937 г. саамская письменность, как и письменность других народов севера, переводится на русский алфавит. В этом же году был издан новый букварь, подготовленный А.Г. Эндюковским, в его же переводе вышли учебники арифметики и книги для чтения. С этого же года преподавание саамского языка и на саамском языке прекратилось.

Печатное слово вернулось к кольским саамам только через 45 лет, с выходом в свет в 1982 г. саамского букваря А.А. Антоновой[1]. Букварь был основан на русской графике. В 1985 г. вышел саамско-русский словарь, подготовленный группой специалистов под руководством Р.Д. Куруч (далее – СРС), а в 1986 г. вышло учебное пособие «Словарь саамско-русский и русско-саамский» Г.М. Керта (далее – ССРРС). Орфография на основе кириллицы была утверждена в соответствующих инстанциях и получила официальный статус[2].

В своих последних работах Г.М. Керт отмечал недопустимость использования двух орфографических систем для языка кольских саамов и приводил ряд предложений по совершенствованию орфографии на основе результатов анализа соответствия инвентаря графем фонетическим особенностям саамского языка[3].

В настоящее время обучение детей саамскому языку в Мурманской области осуществляется в двух образовательных учреждениях: муниципальной общеобразовательной школе-интернате «Ловозерская школа-интернат среднего (полного) общего образования» и государственном образовательном учреждении начального профессионального образования «Профессиональное училище № 26». Оба учреждения расположены в центре компактного проживания саамов – селе Ловозеро.

В селе Ловозеро в школе-интернате в начальной школе выделено 2 часа факультатива на саамский язык (2 раза в неделю), на коми – 1 час. В профессиональном училище № 26 села Ловозеро на I курсе – 36 часов саамского языка по учебной программе в год, на II курсе – 35 часов, на III курсе – 30 часов. Постоянного расписания для этих уроков нет. В быту знания ученики не используют, в школе теорию языка не учат, а занимаются разговорным языком. В г. Мурманске в 2003 г. в течение полугода в гимназии № 9 было преподавание саамского языка в начальной школе (преподаватель – Надежда Золотухина).

В детском саду № 2 села Ловозеро есть саамская группа из 10 человек разновозрастных детей, которые занимаются только разговорной речью.

В г. Мурманске по личной инициативе саамских общественных деятелей осуществляется обучение саамскому языку взрослого населения. Есть

---

[1] Антонова А.А. Са̄мь букварь. Л.: Издательство «Просвещение». Ленинградское отделение, 1982. 128 с.

[2] Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. С. 17.

[3] Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов. С. 12; Он же. Саамская топонимная лексика. С. 17.

несколько языковых курсов, в том числе в г. Мурманске (преподаватель – Роза Яковлева), в поселке Ёна (преподаватель – Татьяна Цмыкайло), в селе Ловозеро в Национальном культурном центре (преподаватель – Анастасия Яковлева), в офисе Центра саамских знаний (преподаватель – Мария Медведева). Однако подобное обучение осуществляется бессистемно, не имеет современной учебно-методической базы, рассчитано на крайне ограниченный набор слушателей и имеет своей целью исключительно развитие навыков устного общения.

Проблема преподавания саамского, по мнению А.А. Антоновой, состоит в том, что преподаватели ориентируются на разговорный язык, не изучают грамматики.

Что касается изучения культуры и истории саамского народа в средних образовательных учреждениях, то дело обстоит не лучшим образом: в 9 классе 1 час из 3 часов, предназначенных для преподавания истории, официально отводится на курс «История Кольского Севера с древнейших времен до начала XXI века». Но не все преподаватели истории используют этот час по прямому назначению. Историю и культуру саамов можно преподавать в средней школе только как факультатив, кружок или как внеклассное чтение, напр., на уроках литературы. Раньше в школах города и области была программа регионального компонента, но сейчас очень многое отдано на усмотрение учителя.

В период с 1926 по 1937 гг. активно публиковалась учебная литература на саамском языке. Разработка и издание учебно-методической литературы для обучения саамскому языку были возобновлены лишь в 1980-е гг. в связи с публикацией букваря А.А. Антоновой. В 1990-х гг. учебно-методическая работа по саамскому языку активно осуществлялась группой авторов под руководством Р.Д. Куруч: были разработаны и опубликованы программы, методические руководства, учебные пособия и дидактические материалы для обучения саамскому языку в начальной школе[1].

Таким образом, существующее на сегодняшний день учебно-методическое обеспечение остается ограниченным ступенью начальной школы, а учебная литература представлена букварями и книгами для чтения, подготовленными в 30-е гг. XX в. З.Е. Черняковым и А.Г. Эндюковским на основе латинской графики и подготовленными в конце XX в. на основе кириллицы букварями А.А. Антоновой, школьным саамско-

---

[1] Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Яковлева Р.И. Са̄мь кӣлл. Учебник саамского языка для начальной школы в 4 частях. Мурманск: Мурманский областной институт усовершенствования учителей, 1988. 141 с.; Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Яковлева Р.И. Методическое руководство по обучению саамскому языку в начальной школе. Мурманск; Москва, 1990. 118 с.; Куруч Р.Д. Дидактический материал к учебникам саамского языка. Мурманск: НИЦ «Пазори», 2001. 53 л.: ил.; Куруч Р.Д. Разрезная азбука. Дидактический материал к учебнику саамского языка для 2 класса саамской школы. Мурманск; Москва, 1991.

русским и русско-саамским словарем под ред. Г.М. Керта (далее – ССРРС)[1], саамско-русским словарем под ред. Р.Д. Куруч (далее – СРС)[2] и саамско-русским словарем для начальной школы под ред. Р.Д. Куруч, И.В. Виноградовой, Р.И. Яковлевой[3].

Необходимо: обеспечение надлежащих форм и средств для преподавания и изучения саамского языка на всех соответствующих ступенях.

Положение Хартии: предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему. *Положение дел:* любое лицо, говорящее или не говорящее на языках меньшинства, может посещать соответствующие занятия по саамскому языку там, где они проводятся. *Необходимо:* рекомендовать соответствующим структурам принять гибкие и новаторские меры в целях сохранения этого языка. Напр., в дошкольные учреждения можно регулярно приглашать носителей языка преклонного возраста, чтобы они могли играть с детьми, используя саамский язык.

Положение Хартии: содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях. *Положение дел:* преподавание саамского языка в высших учебных заведениях отсутствует. *Необходимо:* создание университетских курсов и программ (бакалавриата и магистратуры). Актуальность и необходимость открытия программы с изучением саамского языка и саамской культуры на Кольском полуострове не подлежит сомнению и одобрена в том числе и саамской общественностью в резолюции международной научной конференции «Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере», которая проводилась Лабораторией саамского языка Мурманского государственного гуманитарного университета 10–11 марта 2011 г.[4]

При этом необходимо учитывать возможности дистанционного образования. Важную роль в обосновании значимости организации дистанционного обучения коренного населения области играет геополитический фактор: районы их компактного проживания расположены в разных частях полуострова в удалении от областного центра. А недостаточно развитая транспортная инфраструктура и высокая стоимость транспортных услуг и

---

[1] Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. / Г.М. Керт. Л.: Издательство «Просвещение». Ленингр. отделение, 1986. 247 с.

[2] Афанасьева Н.Е. Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; Под ред. Р.Д. Куруч. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.

[3] Куруч Р.Д., Виноградова И.В., Яковлева Р.И. Саамско-русский словарь: Пособие для учащихся начальной школы. Мурманск, 1991. 110 с.

[4] Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы международной научной конференции. 10–11 марта 2011 г. Мурманск: МГГУ, 2012. 124 с.

проживания является одним из существенных препятствий для обучения представителей коренного населения в областном центре. Наиболее подходящей технологией обучения дисперсно проживающего населения является организация обучения на основе специально подготовленных дистанционных курсов, объединенных в единую систему на учебном портале, на котором организовано не только обучение в форме передачи учебного и методического материала обучаемому для усвоения, но и проводится контроль и оценка полученных знаний в асинхронном режиме, анализ качества прохождения учебного материала. Такая система должна строиться с учётом комплексного подхода, предусматривающего помимо обучения языку возможность создания искусственной языковой среды (веб-чат, голосовой чат, форум), которая позволит обеспечить возможность группового и личного общения между носителями саамского языка, проживающими в разных районах.

Ратифицируя «Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств» правительство Финляндии, напр., приняло 59 обязательств по отношению к саамскому языку. Российская Федерация пока не ратифицировала Хартию, а значит, не приняла ни одного обязательства.

Какие обязательства следует принять Российской Федерации по отношению к саамскому языку? Как показывает моделирование ситуации, необходимо признать саамский язык в качестве выразителя культурного богатства, принять срочные меры по ревитализации языка, поощрять использование саамского языка, разработать гибкие и новаторские меры для сохранения саамского языка, создать университетские курсы и программы посаамскому языку.

Язык каждого народа, по мнению составителей «Красной книги» языков народов земли, этносоциолингвистической энциклопедии, сообщающей важнейшие сведения о каждом малочисленном народе и его языке, перспективах его существования и развития (1992–2002), является не только культурным, но и природным наследием всего человечества, позволяющим на основе сравнения всех уровней языковой структуры каждого языка выявить универсальные свойства человеческой речи, позволившие человеку выделиться в homo sapiens из живой природы. Вот почему все разговоры о том, что процесс умирания языков якобы носит «естественный характер» и что ему не надо препятствовать, обнаруживают попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида[1].

---

[1] Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 7.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКА СААМСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

2.1. Источники изучения лексики духовной культуры саамов

О самобытности духовной культуры саамов, о том, что она представляет большой познавательный и научный интерес, говорил В.В. Чарнолуский[1]. Священник К. Щеколдин, собирая саамский фольклор, опроверг мнение о том, что у этого народа нет собственной культуры.

Однако при всем интересе к уникальной культуре северного народа духовная культура саамов Кольского полуострова не была отдельным предметом исследования ученых. До начала XVIII в. научного исследования Мурмана не было, научный интерес к истории и культуре региона появляется в конце XIX – начале XX вв., когда мурманский регион становится предметом исследования историков, географов, этнографов В.Ю. Визе, М.А. Кастрена, А.И. Кельсиева, С.В. Максимова, Н.Н. Харузина, В.И. Немировича-Данченко и др., писателей К.К. Случевского, М.М. Пришвина и др., художников А.Н. Бенуа, В.В. Верещагина, К.А. Коровина и др. Появляется образ представителей коренного северного народа, его культуры[2]. На отсутствие монографических описаний культуры саамов до революции указывал З.Е. Черняков. Отправной точкой изучения этнографии саамов ученые признают книгу Н.Н. Харузина «Русские лопари»[3].

2.1.1. Словари саамского языка как источники культурологической информации

В русской двуязычной лексикографии саамский язык представлен более скромно, чем у наших северных соседей – финнов, норвежцев и шведов.

В 1985 г. в издательстве «Русский язык» вышел СРС. В 1986 г. был опубликован ССРРС. Оба вышеназванных словаря описывают лексику кильдинского диалекта саамского языка.

СРС содержит 8 000 слов. В основу настоящего словаря легла картотека, создаваемая авторским коллективом в течение ряда лет на основе живой речи носителей саамского языка. В словаре впервые зафиксирована лексика саамского языка, охватывающая хозяйственную и производственную жизнь, культуру и быт саамов в прошлом и настоящем. В предисловии к словарю дан историко-этнографический очерк о саамах Кольского полуострова, история создания алфавита. Слова расположены по алфавитно-гнездовому принципу. Глаголы и существительные снабжены цифро-

---

[1] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. С. 257.

[2] Мосолова Л.М., Вагинова Л.С. История культуры Кольского Заполярья. С. 23.

[3] Харузин Н.Н. Русские Лопари. 472 с.

выми указателями (римские и арабские цифры), отсылающими к типам склонения и спряжения и типам чередований гласных звуков. Для более полного представления русских эквивалентов саамских слов введены пометы, дополнительные пояснения и примеры словоупотребления. К словарю в качестве приложения дан индекс, передающий написание и звучание саамских слов общеупотребительными знаками латинской транскрипции, и краткий грамматический очерк саамского языка. В словарных статьях приводятся примеры словоупотребления, фразеологизмы, в некоторых словарных статьях дается культурологическая информация. Словарь СРС – первый в советской лексикографии, в котором представлена наиболее употребительная лексика саамского языка. Однако в СРС не зафиксирована лексика дохристианских верований, недостаточно представлена лексика христианства и крестильная лексика, лексика праздников, нет помет, отмечающих религиозную лексику. В большей мере зафиксирована лексика обрядов жизненного цикла.

ССРРС содержит около 4 000 слов. Словарь предназначен для учащихся начальной школы. Основу словаря составляет главным образом лексика, используемая в учебных пособиях для начальной школы. Кроме того, в него включен ряд слов, отражающих важные стороны материальной и духовной жизни саамов и широко распространенных в саамском языке, однако лексика дохристианских и христианских верований, лексика праздников в СРРСС не зафиксирована. В большей мере отмечена лексика обрядов жизненного цикла. В словарь не вошли слова, заимствованные из русского языка (кроме общественно-политической лексики и слов, широкоупотребительных в процессе школьного обучения). Слова расположены по алфавитному принципу. Словарь удобен в использовании, поскольку состоит из саамско-русского и русско-саамского словарей. ССРРС составлен из слов кильдинского диалекта, положенного в основу письменности саамов[1].

В саамской лексикографии представлены также и словари саамских диалектов. Первым словарем кольских диалектов саамского языка стал «Словарь диалектов саамского языка Кольского полуострова» А. Генетца. В словаре впервые в научный оборот вводились материалы по трем диалектам саамского языка Кольского полуострова: кильдинскому, нотозерскому, йоканьгскому, однако диалектные соответствия приводятся не для всех слов. Кроме того, пользование словарем затруднено, так как не соблюден алфавитный порядок. Этот пробел восполняется указателями переводов слов на немецкий и финский языки. Кроме представленного в словаре лексического материала, в нем приводятся этнографические наблюдения ученого о саамах, их легенды, песни, дается список топонимов, образцы речи, представляющие собой перевод некоторых глав Еван-

---

[1] ССРРС. С. 5.

гелия. Однако транскрипция слов не совсем точно передает звучание слов саамского языка, так как имеет ряд особенностей[1].

Словарь KKS – наиболее полный и точный словарь по восточным диалектам. Однако пользование этим словарем затруднено, потому что заглавное слово приводится по диалекту Патсйоки, и для того чтобы найти нужное слово, надо знать его словоформу в этом диалекте[2]. Словарь снабжен списком печатных и рукописных источников – работ исследователей диалектов саамского языка. В отдельной статье объясняется транскрипция, которая используется в словаре, приводится карта саамских погостов в 1910 г. В конце второго тома дается указатель использованных слов на норвежском саамском, финском и немецком языках. Слова расположены по алфавиту, перевод слов дается на финском, немецком, иногда на русском языках. В словарной статье приводится сноска на лексический источник, указано, в каких диалектах слово найдено. В KKS для лексики верований даются пометы, полностью представлена лексика дохристианских верований, лексика обрядов жизненного цикла и народного искусства зафиксирована в меньшей степени.

О положительных тенденциях в развитии саамской лексикографии говорит факт создания в последние десятилетия электронных саамских словарей.

В 2007 г. А.Г. Юрьевым был создан электронный словарь на основе словарей СРС и ССРРС. Автор словаря, А.Г. Юрьев, – саами, известный саамский общественный деятель, житель села Ловозеро. Инициатива по созданию словаря продиктована его личными мотивами и желанием сохранить саамский язык для молодого поколения. Словарь находится в свободном доступе, распространяется бесплатно. В саамско-русском словаре А.Г. Юрьева заглавные саамские слова расположены в алфавитном порядке с объединением в гнезда однокоренных слов. Кроме того, все включенные в гнездо однокоренные слова даны дополнительно в корпусе словаря в качестве ссылочных слов на своем месте по алфавиту. Поиск по словарю, таким образом, можно осуществлять и как по главным гнездовым словам, так и по производным. Таким образом, для семантической интерпретации лексики в данном саамско-русском словаре используется как описательный тип толкования, так и релятивный, при котором основным способом толкования значения является его отношение к другим словам[3].

---

[1] Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. С. 33.

[2] Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка. С. 18.

[3] Митина Е.А. Способы фиксации природной лексики в двуязычных электронных словарях (на примере саамско-русского словаря А.Г. Юрьева) // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы международной научной конференции. 10–11 марта 2011 г. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 33–37.

Еще один саамско-русский и русско-саамский словарь, работа над которым началась в 2009 г. и продолжается до сих пор, – это разработка центра саамской языковой технологии Giellatekno при Университете г. Тромсё (Норвегия).

Центр Giellatekno ведет разработки для ряда саамских языков и их диалектов – северо-саамского, луле-саамского, южносаамского, инари-саамского, скольт-саамского и в том числе кильдинского диалекта саамского языка. Интересно, что в сфере интересов этого научного общества также удмуртский, фарерский, коми, марийский, гренландский и другие редкие языки.

Электронный словарь, разработанный центром языковых тенологий Giellatekno, создан на основе СРС и ССРРС, саамско-финского словаря П. Саммаллахти и А. Хворостухиной[1], а также неопубликованных списков слов, собранных А.А. Антоновой и сотрудниками «Kola Saami Documentation Project». Таким образом словарь стал более полным по объему и содержит более 12 000 словарных статей. При создании словаря используется многокомпонентная технология, включающая средства проверки правописания, инструменты для обработки текстов, педагогические программы, компьютерные словари и преобразования текста в речь.

Словарь предполагает возможность двустороннего перевода. Все слова представлены в двух орфографических вариантах, в соответствии с традициями словарей ССРРС и СРС. Из словарных статей полностью исключена культурологическая информация и стилистические пометы, а указанные грамматические характеристики исчерпываются указанием части речи[2].

Словарь, как и другие разработки центра, находится в свободном доступе, распространяется бесплатно.

Существующие электронные словари существенно облегчают доступ к лексикографичекой базе саамского языка, но не являются носителями актуальной языковой информации, так как основываются на данных 1980-х гг. Однако по меньшей мере один из словарей будет пополняться и расширяться в рамках проекта центра Giellatekno, что позволяет надеяться на появление новых словарных инструментов и функций.

Имея в виду современные тенденции развития лексикографии[3], важно посмотреть, как словари отражают культуру народа. С этой целью был проведен анализ культурологического комментария (скобочных коммента-

---

[1] Sammallahti P., Хворостухина А. Unna sámi-cāмь sátnegirjjáš.

[2] Подробнее о словаре см.: Тростеруд Т. Роль языковой технологии в сохранении и ревитализации языка // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы международной научной конференции. 10–11 марта 2011 г. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 4–12.

[3] Берков В.П. О словарях XXI века: (Из лексикографической футурологии) // Мир русского слова. 2000. № 3.

риев) в СРС. Выбор объекта исследования неслучаен: словарь – образец двуязычной (не учебной, как ССРРС) лексикографии, в котором реализованы многие ее принципы, один из которых заключается в том, что двуязычный словарь дает возможность пользователю не только получить сведения о лексике и грамматике другого языка, но и через систему вербализованных понятий приобщиться к иной культуре, иному видению мира, а значит, к результатам отражения языком объективной действительности, результатам познавательной деятельности человека в данном культурном сообществе.

В предисловии к СРС составители отмечают, что при сопоставлении лексического материала русского и саамского языков неизбежно возникают проблемы, связанные с расхождением семантики слов. Многие слова и понятия, связанные с экономическим укладом, образом жизни, бытом, социальными отношениями, мировоззрением саамов не находят близких эквивалентов в русском языке[1].

Действительно, в словаре представлены энциклопедические сведения, дающие возможность не-носителю языка, изучающему саамский язык, получить довольно полное представление о некоторых реалиях саамской жизни.

С учетом принципа страноведческой ценности признака были выделены следующие элементы описания реалии, которые должны быть, по нашему мнению, представлены в двуязычном словаре: а) атрибуты (внешний вид, ингредиенты, традиции); б) оценка; в) историческая маркированность (время применения, действия); г) социальный статус (функциональная принадлежность); д) функция (назначение, роль); е) популярность/непопулярность реалии; ж) символическая значимость[2].

Содержание скобочных комментариев в анализируемом словаре может быть сведено к следующим параметрам: атрибуты (внешний вид, ингредиенты, традиции); функция (назначение, роль); символическая значимость.

1. Атрибуты (внешний вид, ингредиенты, традиции).

В некоторых случаях в толковании слова дан подробный комментарий, дающий полное представление о внешнем виде реалии. См.: *роавв* – одеяло из оленьих шкур (шьется из густошерстных оленьих шкур ворсом вовнутрь; низ в виде овального кармана высотой до полуметра, куда 2–3 человека засовывают ноги; верх расклешенный, боковины подтыкаются под бока спящих)[3]; *тāссэм* – ремень, пояс (мужской, из юфти или яловой кожи, шириной до 10 см, застегивается металлическими пряжками с орнаментом. Праздничный пояс украшается орнаментом из металла или

---

[1] СРС. С. 10.

[2] Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Докт. дис. СПб., 2005. С. 226.

[3] СРС. С. 293

кости; с левой стороны к поясу на цепочках прикрепляются ножны, с правой – кожаный мешочек для бумаг и т.п.)[1]; *mōhn* – ножны (футляр для охотничьего ножа, выдолбленный обычно из целого куска березы и обтянутый юфтью, может быть сделан и из двух половинок, сшитых оленьими жилами; прикрепляется к кожаному поясу цепочками)[2].

Чаще всего в комментарии представлены составные части реалии. См.: *бӯрка* – бурки (до колен, женские или детские, шьются из койб; украшаются по швам цветным сукном, передняя часть украшается койбами контрастного цвета с орнаментом, напр. головы оленя с рогами)[3]; *вāгк* – вьючное седло, ташка (крестообразная перекладина, нижние концы которой стягиваются ремнями под животом оленя, на верхние ее концы подвешивают кладь)[4]; *вагкхэсс* – дугообразный скребок для выделки мелких шкур (на двух перпендикулярных досках; горизонтальная доска используется для сиденья)[5]; *воаḍḍк* – нырило (приспособление для подледного лова рыбы: длинная узка доска с заостренным концом и отверстием на другом конце для продевания веревки сети; доску протягивают от проруби к проруби и протягивают сеть)[6].

В некоторых случаях отбор информации обусловлен ее важностью в жизни северного народа (*вӯбресь* – уварсь, трехгодовалый олень-самец (в этом возрасте его начинают обучать для езды; в упряжке занимает место в середине)[7]), в некоторых случаях дан рецепт блюда (*каннѣц* – кушанье из ягод вороники с оленьим жиром (холодные ягоды вороники заливаются горячим оленьим жиром; каждая ягодка оказывается в оболочке из жира)[8]).

В представлении атрибутов есть случаи отражении динамики. Ср.: *āввьл* – аввель (перекладина с крючьями для подвешивания чайников, котлов над огнем; *иногда использовалась* палка с сучком, которая подвижно присоединялась к перекладине при помощи веревочной петли; *сейчас используются* металлические крючки на цепях – над костром подвешивается до трех крючков)[9].

2. Функция (назначение, роль).

В абсолютном большинстве случаев обозначение функции реалии (ее назначения, роли) обусловлено условиями жизни народа: указание на то, для чего служит тот или иной предмет, жизненно важно, иначе выжить в суровой природе будет трудно. См., например: *āллт* – важенка (оленья

---

1 СРС. С. 346.
2 Там же. С. 355.
3 Там же. С. 31–32.
4 Там же. С. 32.
5 Там же. С. 33.
6 Там же. С. 48.
7 Там же. С. 52.
8 Там же. С. 99.
9 Там же. С. 19.

самка с 4 до 8–10 лет; самая сильная и мудрая становится вожаком стада)[1]; *вуэгкшэ* – считать густошерстным (напр. оленя) <…> (густошерстные шкуры бывают у оленей, забитых зимой, и идут на совики, обувь, одеяла и т.п.; на малицу берутся легкие шкуры от оленей, забитых осенью)[2]; *тāбпь* – столб, пирамида (высотой около полутора метров, складывается на вершинах тундровых гор для ориентирования)[3].

3. Символическая значимость.

Символическая значимость реалии понимается в настоящей работе как указание на некий факт, который известен каждому носителю языка и связан с местом реалии в данной культуре. Знание этого факта помогает индивиду ощущать себя частью этноса, определяя свое поведение (в данном случае речевое) по определенным эталонам, общепринятым в данном этносе нормам, словесным и поведенческим клише.

Место реалии в данной культуре создается несколькими факторами: ролью реалии (например, в ритуале, обряде или в жизни страны и народа) и традиционностью ее восприятия (образ в фольклоре, литературные образы, речевые клише, образы, проникшие в сферу бытового сознания, официальные/неофициальные символы стран и т.д.). Символ всегда активизирует в памяти носителя языка традиционный образ, типовую ситуацию, которая связана с религиозными, мифологическими и народными представлениями. Поэтому указание на символическое значение реалии в двуязычном словаре должно включать несколько типов информации: указание на религиозно-мистическую, народно-бытовую и политическую символику.

Такая информация будет национально специфической, так как представляет характерные для данной культуры ассоциации и обеспечивает понимание носителем языка.

Объектами символики могут быть разные группы предметов. Висследованном словаре объектами символики, как это и следовало ожидать, стали в первую очередь явления природы (см.: *ӣммель лоанньт* – оляпка (букв. божья птичка; по саамским поверьям эта птичка принесла богу травинку, с которой пошла земля)[4]). В некоторых случаях обобщения явились результатом многовекового жизненного опыта (см.: *кӣллев* – разговорчивый, болтливый; *кӣллев парна кугкь ев ēль* – дети, рассуждающие как взрослые, долго не живут (по саамским поверьям дети, рано взрослеющие умственно, долго не живут)[5]). Естественным можно считать и факты обращения к религиозно-мифологическим представлениям саамского народа (см.: *сāннѣ* – заговор, слово; *соанэтѣ вуэссьтэ* – купить заговор

---

[1] СРС. С. 23.
[2] Там же. С. 53.
[3] Там же. С. 340.
[4] Там же. С. 91.
[5] Там же. С. 109.

(по саамским поверьям считалось, что заговор не будет иметь силы, если его не купить)[1]).

В целом СРС можно считать очень удачным представлением реалий жизни саамского народа (и реалий-слов, и реалий-понятий), т.е. того, что составляет особенности материальной культуры этого народа, – меховая одежда, защищающая от лютых морозов, обильная мясная пища – продукт промысловой охоты, переносное жилище, отвечающее кочевой жизни, рыболовство, оленеводство[2].

Скобочные комментарии иногда включают принципиально важную для данного народа информацию, которая является, по нашему мнению, не дополнительной, а основной: *лоаййт* – место в куваксе (в чуме) для спанья (боковая сторона)[3]; *лӯппс* – место в веже, в куваксе (в чуме) для продуктов и посуды (находится в противоположной от двери стороне)[4]. Пространственная ориентиры (ширина, глубина, верх-низ, длина), так же как и размер, важна для саамского народа, что отражается в процессе номинации. См. примеры: *пуррк* – нижняя часть рога оленя с ответвлениями[5]; *тӯлльй* – шкура (крупного животного)[6]; *куэшшь* – шкура мелкого животного[7]; *нāhкь* – шкура с короткой гладкой шерстью[8]; *няввь* – длинная шерсть на шее оленя[9]; *пижь* – короткий хвост (оленя, зайца, овцы и т.п.)[10]; *рēјјм* – верхняя часть сети (толстая веревка с петлями, на которые нанизана сеть)[11]; *рēсс* – ширина ячейки верхнего ряда рыболовной сети[12]; *мāјјк* – крупный сиг[13].

С точки зрения лексикографической, однако, в СРС есть не совсем удачные примеры комментария. При этом надо иметь в виду, что пояснения (комментарий) даются не-носителю языка, т.е. должны быть ориентированы на того человека, который представляет иную культуру (материальную и духовную). Поэтому неясно, например, зачем комментарий «*необученные олени идут на убой*» дан в словарной статье к слову *ēррьк* (олень-самец, бык (с 5 до 12–15 лет; необученные олени идут на убой)[14]. В работах по этнографии саамского народа указывается на то, что обученные быки – это те, которые использовались для какой-то деятельности/работы.

---

1 СРС. С. 315.
2 Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. С. 14.
3 СРС. С. 162.
4 Там же. С. 168.
5 Там же. С. 272.
6 Там же. С. 362.
7 Там же. С. 138.
8 Там же. С. 205.
9 Там же. С. 224.
10 Там же. С. 255.
11 Там же. С. 292.
12 Там же. С. 292.
13 Там же. С. 180.
14 Там же. С. 81.

Так, наиболее обученными быками были ручные или островные олени, которые использовались под вьюк или в упряжке[1]. Незнакомому с особенностью созревания северной ягоды морошки (для жителей северных регионов России – носителей русского языка это знакомо) трудно осмыслить комментарий к толкованию лексического значения слова «*чоарэх*» (незрелая ягода (в основном о морошке красного цвета)[2]). Морошка – ягода, которая в незрелом состоянии имеет красные плоды, а в зрелом – оранжево-желтые. Кажется существенным заключенная в скобки информация «*оленя*» в словарной статье «*вāлльм*» (вāлльм – плечо (оленя)[3]).

Задачи межкультурной коммуникации решаются часто более успешно, если есть средство диалога представителей разных культур. Двуязычные словари – эффективное средство такого диалога. Для словарей коренных малочисленных народов Севера принципиально важно, по нашему мнению, не только сохранение информации о реалиях жизни, но и наиболее полное представление их пользователю словаря – не-носителю языка.

2.1.2. Образцы саамской речи

После Отечественной войны изучение саамского языка возобновилось в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (до 1956 г. – Карело-Финский филиал АН СССР). С 1954 г. под руководством Г.М. Керта проведен ряд экспедиций по сбору фольклорных, этнографических, топонимических материалов саамов Кольского полуострова. Результатом проведенной работы явились сборники образцов саамской речи, исследования саамских диалектов.

Сборник «Образцы саамской речи, материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и йоканьгский диалекты)» (1961)[4] состоит из текстов, собранных во время диалектологических экспедиций 1955–1960 гг., и предназначен в первую очередь для лингвистов. В сборник включены 42 текста на кильдинском диалекте, среди которых бытовые рассказы с описанием отдельных процессов хозяйственного производства (сушка шкур, койб и рогов, изготовление саней, постройка вежи, чума), рассказы о школе, жизни в колхозе, сказки, предания. В некоторых сказках речь идет о сватовстве, свадьбе, в двух сказках повествуется о попе, церкви, исповеди грехов, в одной сказке рассказывается о смерти, которая за мужиком пришла. Перед образцами саамской речи дается характеристика звуков кильдинского и йоканьгского диалектов саамского языка, отмечена сложность фонетики саамских диалектов. Тексты записаны с помощью финно-угорской транскрипции, с небольшими дополнениями и

---

[1] Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 69
[2] СРС. С. 398
[3] Там же. С. 35
[4] Керт Г.М. Образцы саамской речи.

упрощениями. Произношение некоторых слов расходится с произношением слов, зафиксированных в словарях: *pobb*[1], *pohp*[2] – *noahp* «поп»[3], *r`egg*[4] – *рехкьк* «грех» (АА[5]); в других случаях зафиксированы разные лексемы для обозначения одного и того же понятия: *c`er`k`ve*[6] – *Йммель пэррт* «церковь, храм» (АА).

В приложении к монографии П.М. Зайкова «Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование)» даны 11 образцов текстов, главным образом, фольклорного характера на бабинском диалекте саамского языка с переводом на русский[7]. Это рассказы об охоте, о том, кто из саамов где проживал, бытовые сказки о разбойниках, волшебные сказки о русалке, пауке, медведе.

Сборник «Образцы саамской речи» (1988 г.) продолжил публикацию текстов на кольско-саамских диалектах. Составителями текстов явились Г.М. Керт и П.М. Зайков. Тексты на бабинском диалекте содержат материал на этнографические темы, фольклорные произведения представлены в меньшей степени. В сборник включены 45 текстов на бабинском диалекте и 6 на йоканьгском, среди которых бытовые рассказы с описанием отдельных процессов хозяйственного производства (как солят рыбу; метят, приучают к упряжке и запрягают оленей), сказки о разбойниках, гномах, русалках, диком олене; рассказы о том, как жили раньше, о свадьбе и другие. В сборнике на йоканьгском диалекте представлены, в основном, волшебные сказки[8].

К образцам саамской речи относятся и подстрочники стихов О. Вороновой на йоканьгском диалекте, до сих пор не переведенные, хранящиеся в Государственном областном казённом учреждении «Государственный архив Мурманской области» (ГОКУ ГАМО), опубликованные отдельной книгой «Ялла» 18 стихотворений на йоканьгском диалекте с переводом на русский, ее записи, стихи Э. Галкиной, Е. Коркиной, С. Якимович, повесть А. Бажанова «Белый олень» в переводе А. Антоновой на кильдинский диалект, 11 сказок, собранных П. Юрьевым и вошедших в сборник «Ляйне». К образцам саамской речи относятся также аудиозаписи йоканьгского, нотозерского, бабинского и кильдинского диалектов, которые собраны в 1960–1970 гг. и хранятся в архиве Карельского научного центра Российской Академии наук в г. Петрозаводске.

---

1 Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. С. 120.
2 Там же. С. 124.
3 СРС. С. 259
4 Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. С. 166.
5 Здесь и далее см. список информантов.
6 Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. С. 166.
7 Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка. С. 174–186
8 Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи.

2.1.3. Книги духовного содержания

В конце XIX в. появилось несколько книг, преимущественно духовного содержания, на диалектах саамов Кольского полуострова. В 1878 г. в г. Хельсинки Обществом распространения Библии в Великобритании и других странах было издано на саамском языке Евангелие от Матфея[1]. Это Евангелие (главы 23–28) было переведено на кильдинский диалект А. Генетцем, побывавшем до того на Кольском полуострове. Саамский текст Евангелия был записан русскими буквами. Однако текст Евангелия передавался очень несовершенной транскрипцией[2]. Это, вероятно, послужило причиной того, что перевод не получил широкого распространения.

В 1879 г. А. Генетц в венгерском журнале опубликовал сделанный им перевод Евангелия от Матфея на саамский язык[3], а также образцы текстов трех диалектов саамов Кольского полуострова. Текст Евангелия был переведен на кильдинский диалект и частично на диалект селения Аккала. Однако в переводе изредка встречаются отдельные слова из других диалектов, в частности нотозерского[4].

В 1884 г. в г. Архангельске появился перевод на саамский язык Евангелия от Матфея, сделанный русским священником К. Щеколдиным, настоятелем находившегося на самой границе с Норвегией Пазрецкого Борисоглебского храма[5]. В 1885 г. в г. Архангельске была издана подготовленная К. Щеколдиным «Азбука для лопарей» на нотозерском диалекте, которая включала тексты религиозного содержания: две притчи «на лопарском наречии» с переводом «на русское наречие «Наша молодость» и «Отец и дети», притчу «Советы матери сыну», а также Молитву Господню и Десять заповедей Божьих на русском и саамском языках[6].

Работа над переводами духовных текстов возобновилась почти 100 лет спустя. В 1996 г. в Финляндии отпечатана Библия для детей «Иисус друг детей». Ее перевела с русского языка на кильдинский диалект А.А. Антонова, составитель саамского букваря. Книга содержит тридцать

---

1 Махьтвеест пась-евангели. Самас. Евангелие от Матфея (на русско-лопарском языке). Helsingissa, 1878.

2 Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. С. 30.

3 Genetz A. Orosz-lapp nyelvtudomanyok. Mate evangelioma es eredeti textusok // Nyelvtudományi közlemények, 1, 15, 1879, s. 74.

4 Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. С. 32.

5 Господа мій Јисуса Христа Пась Евангеліе Матвеесть. Саме киле. Архангельск, 1884. См. об этом: Костина Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. С. 31.

6 Щеколдин К. Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии. Архангельск, 1895. 22 с.

две притчи[1]. В 2008 г. А.А. Антонова приступила к переводу главы Евангелие от Матфея. Работа подготовлена для печати и находится в Мурманской и Мончегорской епархии. Следующим духовным трудом А.А. Антоновой явился перевод «Жития Трифона Печенского», к которому составлен словарь, закончена работа над составлением словаря к главе Евангелие от Матфея.

2.2. Религия саамов и лексика верований

О ранних формах религии у саамов Кольского полуострова писали этнографы Н.Н. Волков[2], Н.Н. Харузин[3], В.В. Чарнолуский[4], З.Е. Черняков[5], историк И.Ф.Ушаков[6]. Ученые отмечали, что до принятия христианства саамы были язычниками: поклонялись различным божествам-духам (сейдам), которым приносили в жертву часть охотничьей добычи. «Лопари, как было уже сказано, погружены были в самое грубое идолопоклонство»[7], «под фанатическим руководством своих жрецов и кебунов они боготворили гадов, ночных нетопырей и других животных»[8]. Для дохристианских (языческих[9]) религиозных верований саамов характерны тотемизм[10], фетишизм[11], анимизм[12]. С этими верованиями слились и возникшие позднее магия и шаманизм[13].

После распространения христианства саамы долгое время оставались «полуязычниками», формально соблюдая христианские обряды[14]. Таким образом, язычество по-прежнему играло важную роль в жизни саамов, а это не могло не найти своего отражения в лексике.

---

[1] Антонова С. «Йсус пāррнэ кāннЊц» / Пые рӯшш кӣлэсьт Куэлнэгк нāрк соāме кӣлтэ кӣлле Сāнндра Антонова, Луяввьр. Стокгольм; Хельсинки: Библия нымьп кӣлле пыйей Институт, 1996. 64 с.

[2] Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Саамский Институт, 1996. № 1. 106 с.

[3] Харузин Н.Н. Русские Лопари.

[4] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня; Чарнолуский В.В. Легенда об оленечеловеке.

[5] Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов.

[6] Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1: Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. 647 с.

[7] Печенгскій монастырь, основанный Преподобнымъ Трифономъ, просветителемъ лопарей. Историческій очеркъ. СПб., 1892. 33 с.

[8] Там же. С. 6.

[9] Ленсу М.Я. Религиоведение: Учеб. пособие. Мн.: Новое знание, 2003. С. 419.

[10] Лобазова О.Ф. Религиоведение. С.83.

[11] Там же. С. 88.

[12] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня; Лобазова О.Ф. Религиоведение. С. 92.

[13] Волков Н.Н. Российские саамы. С. 73

[14] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 181; Ушаков И.Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1: Кольская земля. С. 114.

В ***дохристианской*** лексике саамов Кольского полуострова можно выделить следующие группы:

1. Тотемистическая лексика (*Мяндаш, Мяндаш-пырре, Мяндаш-вежа, Мяндаш-каб, Мяндаш-парнь, Коннѣт-акка*).

Мяндаш – золоторогий олень, от которого, по легенде, произошли саамы. «Мяндаш – первопредок и культурный герой саамов, воплощающий в себе судьбу народа и его путь»[1]. В легенде о Мяндаше отразился культ дикого северного оленя. Легенда ведет свое происхождение с тех времен, когда охота была основным источником существования предков лопарей (лопари – дореволюционное название саамов)[2]. «Среди авторов, писавших о лопарях, никто не упоминал об этом божестве. Его имя и поклонение ему хранилось в тайне со времен глубокой древности. В пантеоне лопарских божеств он занимал обособленное положение»[3]. Информанты затрудняются объяснить значение лексемы *Мяндаш* (АА, НА, ЛГ, ММ, ГА). В.В. Чарнолуский указывает: «*Мяндаш* от слова «мьянна» – нежный бархатистый мех, покрывающий молодые ростки оленьих рогов на первом-втором месяце»[4]. В современных саамских словарях СРС и ССРРС данная лексема отсутствует, в KKS зафиксирована лексема *meandas* с пометой *религ.* – «вожак стада диких оленей»[5]. *Мяндаш-пырре* – «понятие отвлеченное, связанное с обожествлением тотемного животного – дикого северного оленя»[6]. Лексема *пырре* означает «вокруг, кругом»[7], «весь»[8] (АА, НА). Вероятно, лексема изначально обозначала безличную сверхъестественную божественную силу, управляющую природными процессами, находящуюся всегда и везде – *пырре*, следовательно, *Мяндаш-пырре* – сверхъестественная сила, находящаяся везде. Первичной формой религии было поклонение природе, т.е. безличной силе, обозначаемой понятием «манна». Эта сила разносторонняя по своей направленности и по своему значению, она может действовать и во вред, и на пользу. Манна считается присущей людям, которые имеют успех в жизни. Вера в существование безличной силы универсальна, обнаружена у многих племен и народов на ранних этапах истории религии: «манна» у меланезийцев, «оренда» у ирокезов, «маниту» у алгонкинов, «ньяма» у жителей Западного Судана и т.д.[9] Особое уважительное отношение к Мяндашу и связано, вероятно, с этим.

---

[1] Теребихин Н.М. Метафизика Севера: Монография. Архангельск: оморский университет, 2004. С. 252.

[2] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. С. 265.

[3] Чарнолуский В.В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти Раомат, 1966. Т. 11. С. 301.

[4] Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. С. 62.

[5] KKS. С. 245.

[6] Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. С. 134.

[7] СРС. С. 278.

[8] ССРРС. С. 77.

[9] Ленсу М.Я. Религиоведение. С. 29.

У В.В. Чарнолуского записана беседа с саамом Ефимом Андреевичем Даниловым: «Настоящие мяндаши живут на высокой горе, туда, на запад. Там у них высокая вершина, там у них дом стоит. Они живут в нем и *видят все* (разрядка наша. – *В.Б.*), что делается под горой, внизу: кто идет, кто бежит... *Все видят, все знают* (разрядка наша. – *В.Б.*)... А мяндашей никто не видит и никто не знает, где их найти. Ему и в глаза-то взглянуть опасно – ослепнешь и в уме помутишься»[1].

Мяндаш-пырре – «все то добро, благо, что дает дикий олень человеку». *Мяндаш-пырре* – «понятие множественное»[2]. «При толковании мифов о Мяндаше следует учитывать, что лопари-сказители наделяют его разным содержанием: *Мяндаш-антучч*, т.е. Мяндаш дающийся, *Мяндаш-пырре*, т.е. Мяндаш-благо, добро и т.д.»[3]. Позже тотемом стал олень-человек, который обожествлялся древними саамами. В разговорной речи лексема не употребляется, встречается в фольклоре и в этнографической литературе, в словарях саамского языка не зафиксирована.

Коаннѣт-акка – сложное существительное, состоящее из двух частей. *Коаннѣт* – «дикий олень»[4] (АА, НА, ЛГ, ЮВ, ГА), в словосочетании *нӯра нӣйт выйтэ кӯйе коаннта* – «младшая дочь вышла замуж за дикого оленя» – имеет помету *фольк*. От существительного *коаннѣт* образованы глаголы *коаннѣтлэ* – «убить кого-что быстро», *коаннѣтэ* – «убить, умертвить кого-что, напр. из ружья волка»[5] (АА, НА, ЛГ, ГП), то есть слово связано изначально с охотой на дикого оленя. Лексема *акка* (от *āhкь*) имеет следующие значения: «1) старая женщина, старуха; старушка; 2) *ласк*. женушка»; *оāhка* «бабушка (мать отца или матери)»[6] (АА, НА, ЕО, ММ, ЮА); *āк* (оahкэ) «самка (дикого оленя, лося)»[7]. Значение лексемы *коаннѣт-акка* – букв. «женщина (жена, самка) дикого оленя». В нее, по верованиям саамов, превращается женщина-олень и всех детей в облике диких оленей выводит из *мяндаш-вежи*, когда ее сын, *Мяндаш-пāррьн*, не смог больше жить с человеческой женщиной.

Лексема *пāррьн* имеет значение «парень, юноша»[8], *Мяндаш- пāррьн* – молодой Мяндаш, сын Мяндаша. *Мяндаш-каб* – жена Мяндаша. *Коāб* – «1) новобрачная; 2) молодая жена»[9] (АА, ЛГ, ГТ, ПМ).

Лексема *Мяндаш-пырре*, возможно, ранее входила в словосочетание с выраженной (аналитической) связью между компонентами по модели

---

[1] Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. С. 21, 117.
[2] Там же. С. 126.
[3] Чарнолуский В.В. О культе Мяндаша. С. 302.
[4] СРС. С. 117.
[5] Там же; ССРРС. С. 40.
[6] СРС. С. 23, ССРРС. С. 67.
[7] СРС. С. 23, ССРРС. С. 66.
[8] СРС. С. 248, ССРРС. С. 70.
[9] СРС. С. 112; ССРРС. С. 39.

«имя с предлогом *пырре* «вокруг» + глагол»[1], которое могло выражать значение действия (состояния) вокруг чего-либо. Лексемы *Мяндаш-вежа* «жилище Мяндаша», *Мяндаш-коаб* «жена Мяндаша», *Мяндаш-пāррьн* «ребенок Мяндаша», *Коаннѣт-акка* «женщина (жена, самка) дикого оленя» представляют собой сложные слова подчинительного типа.

2. Лексика фетишизма (*сēйд, ерле-четьке*).

Предметы могли мыслиться саамами как самостоятельное сверхъестественное существо, как постоянная или временная обитель божества. Наиболее древними фетишами являются природные объекты – необычной формы скалы, камни, деревья. У саамов существовало поклонение *сейдам.*

Сейды – священные камни, в которых, по саамским поверьям, обитал дух (АА, НА, ГВ, ГП, ЮА). Г.М. Керт переводит это слово как «божество» и говорит о его субстратном происхождении[2]. У В.В. Чарнолуского рассказано о «пустых» сейдах, т.е. о тех, в которых, по преданию, еще не так давно обитали духи двух великих хозяев, живших в памяти народа: *Разиайке* – хозяйки травы и ягельных пастбищ и ее супруга *Рухтнаса* – заступника людей перед старшим братом, грозным *Кавраем* – вершителем людских судеб[3]. Издали эти сейды напоминали две величественные фигуры с гордо поднятыми головами, с бесформенными профилями мужчины и женщины[4]. В сейде, считали в старину, обитал дух этого камня, предок, родоначальник обитателей какого-либо населенного пункта[5]. В СРС и СРРСС лексема *сейд* не зафиксирована. В KKS отмечено значение лексемы *Sied-vun* (*религ.*) – «дедушка духа Рухтнас»[6]. Несколько озер на Кольском полуострове носят название Сейдозера, или Сēйтяввьр. О Сейдозере пишет В.Ю. Визе в 1910 г.: «О Сейдозере много легенд сложено. Сейдозеро по-другому Свято-озером, озером духов называется, и считается оно религиозно-культовым местом»[7]. Скорее всего, непроизводная лексема *сейд* уральского происхождения от *sej-* «глаз», что свидетельствует об общей прародине финно-угров и самодийцев. Прауральские лексемы не имели исходно сакрального значения и относились к общеупотребительной лексике[8] (ср. в селькупском языке лексему *sejdyrnan* «ясновидец» от *sejdyr-* «быть ясновидящим», в свою очередь, производная от *sej-* «глаз»)[9].

---

[1] Керт Г.М. Саамский язык. С. 264.
[2] Там же. С. 8.
[3] Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. С. 68.
[4] Там же. С. 69.
[5] Там же. С. 133.
[6] KKS. С. 488
[7] Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. С. 283, 313.
[8] Ким А.А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1999. С. 27.
[9] Там же. С.15.

Ерле четьке – камень счастья, или живой камень (окаменевший плоский орех), амулет. По мнению Н.Н. Волкова, это амулет местного значения, так как в западной части Кольского полуострова о нем ничего неизвестно[1]. Словосочетание образовано путем соединения двух слов при перечислении (примыканием) по типу «глагол + глагол»: *ёррлэ* – «потереть, порастирать, натереть» и *чацькэ* – «бросить»[2].

3. Анимистическая лексика (*Луот-хозик, Разиайке, Рухтнас, Каврай, Тӣрьмесь, Аккрува, Мӗц-хозяин, Пӗррт-хозяин*).

Самая многочисленная группа духов в древнем пантеоне саамов была связана с повседневной жизнью и хозяйственными занятиями саамов. Это были «хозяева», первое место среди которых занимала *Луот-хозик* – хозяйка оленей. *Луот-хозик* – покровитель оленей и пастбищ[3]. *Хозенѣ* – «хозяин»[4] (АА, НА). Ср.: *hozzjen* – «хозяин»[5]; *luothozjik, Luot-hozik* [6] – «хозяйка диких оленей»[7]. Значение первого компонента «свобода, свободно»[8]. Возможно, вначале слово могло иметь значение «хозяйка свободы, воли». Лексема имеет помету *религ*. Информанты затрудняются объяснить значение слова. При благополучном возвращении оленей после вольного выпаса саамы благодарили покровительницу[9]. Н.Н. Харузин описывает облик этого божества как зооантропоморфный: «Ходит на ногах, как человек, и лицо человечье, только вся в шерсти, как олень»[10].

Разиайке – хозяйка травы, ягельных пастбищ и «оленцев малых». Это сложное существительное, в котором первый компонент *рӓссь* (*рӓзь*) – «зелень, молодая трава, флора, растительность»[11] (АА), второй *айке* – «женщина» (от *ӓкь* см. выше). В KKS: *rāss, lat.rassa,* pl *rāzzi* – «трава, растение» с пометой *религ.*[12]

Рухтнас – ее муж, заступник людей перед старшим братом, грозным *Кавраем*[13]. Вероятно, это сложное слово состоит из двух корней: *рӯhц* (*рӯц*) – «враг, противник, неприятель»[14] и *ноаhц* (*ноац*) – «опыт»[15], что букв. обо-

---

[1] Волков Н.Н. Российские саамы. С. 77.
[2] СРС. С. 81, 388; ССРРС. С. 31, 104.
[3] Волков Н.Н. Российские саамы. С. 74.
[4] СРС. С. 375, ССРРСС. С. 238.
[5] KKS. С. 41.
[6] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 152.
[7] KKS. С. 229.
[8] Там же. С. 229.
[9] Кошечкин Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов. С. 120.
[10] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 152.
[11] СРС. С. 288, ССРРС. С. 160.
[12] KKS. С. 422.
[13] Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. С. 68, 134.
[14] СРС. С. 300.
[15] Там же. С. 214.

значает качество лица: «опытный защитник, опытный противник». *S.-Ruhtnas* – «брат главного духа»[1] и имеет помету *религ.*

Аккрува – покровительница рыболовства. Этимология слова затемнена, хотя первый корень может восходить к *акка* (от *āhкь*) в первом значении: «1) старая женщина, старуха; старушка; 2) *ласк.* женушка»; *оahка* «бабушка (мать отца или матери)»[2] (АА, НА), второй корень – к *rōvva* «ледяная пещера» в кильдинском диалекте[3].

Мēц-хозяин – хозяин леса, божество охотничьего и рыболовного промыслов. *Мēц-хозяин – Meatmas*: *Santa-M.* – «главный, первый дух у русских саамов»[4], имеет помету *религ. Мец* от *medz*, *medza* «по-лапландски» и по-фински соответственно[5].

Пэрт-хозяин – покровитель дома, местом пребывания которого служил камелек[6]. Ср.: *пэ̄ррт* «жилище, дом; квартира; комната»[7].

Каврай – вершитель людских судеб. Этимология затемнена, возможно, слово произошло от *кāввь* – «лицо, облик, внешность»[8] и от *рāй* – «мимо, обделять»[9]. Скорее всего, имеется в виду «обделенный внешностью»; *kaver* (*религ.*) – «горбун»[10].

Тьермес – бог-громовик, который гонится за златорогим оленем в саамской легенде о конце света[11]. *Тӣрьмесь* (*тӣррмас*) – «гром», *тӣрьмесь ӯккс* – «радуга» от *ӯккс* – «дуга» (возможно, букв. «божья дуга»), *тӣрьмесь тōлл* – «молния» от *тōлл* – «огонь» (возможно, букв. «божий огонь»)[12] (АА). Вероятно, это имя собственное соответствует имени шведского бога Тора. Имя очень древнее, о чем говорит И. Шеффер, приводя легенду о финском царе по имени Тор, величайшем из королей Нора, откуда, по мнению некоторых ученых, произошло название Норвегии. По мнению И. Шеффера, бог Тор получил название от какого-то древнего царя Торра или Турра и стал предметом поклонения у финнов, а от них перешел к лопарям вместе с языком, обрядами и обычаями[13]. На языке самих лопарей он называется чаще Тирм (Tiermes), что обозначает у них «все, производящее шум и грохот»[14]. В KKS зафиксирована лексема *tiermes* без пометы *религ.* (у

---

1 KKS. С. 245.
2 СРС. С. 23; ССРРС. С. 67.
3 KKS. С. 453.
4 Там же. С. 245.
5 Шеффер И. Лапландия. С. 206.
6 Кошечкин Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов. С. 120.
7 СРС. С. 280.
8 Там же. С. 93; ССРРС. С. 39.
9 СРС. С. 286; ССРРС. С. 79.
10 KKS. С. 99.
11 Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. С. 80.
12 СРС. С. 352; ССРРС. С. 209.
13 Шеффер И. Лапландия. С. 83.
14 Там же.

А. Генетца – Termes *религ.*) – «древний Бог»[1]. *Тьермес* – букв. «*громкий*», в этом случае эта лексема – производное качественное прилагательное от *Tierm* – «шум, гром» при помощи суффикса -s (-s`): ср. *rup s`e s`* – «красный», *n`al`g`e s`* – «сладкий»[2].

4. Лексика шаманизма (*нуэйт, ной, нойд-акка, куэмдас*).

Нуэйт (*ной, нойд* в русском произношении) – «колдун, ясновидящий». *Нуэйт* совмещал в себе сразу несколько функций: жреца, знахаря, колдуна, ворожея[3] (АА, НА). Нуэйты пользовались славой могущественных чародеев далеко за пределами Лапландии[4]. «Сакральный авторитет лапландских шаманов-нойд был столь высок, что к ним на обучение направляли своих детей норвежцы, финны, шведы. Подобной же славой саамские шаманы пользовались и на Руси»[5]. Лексема встречается в этнографической литературе, фольклорных произведениях. В KKS приводится лексема *noaiidd (noii-)*, lat. *Nuoiidda*, с пометой *религ.* – «колдун»[6].

Искусными колдунами, шаманами были не только мужчины, но и женщины[7]: *noidt-akka* – «колдунья, ведьма»[8].

Куэмдас – «бубен шамана»[9], «волшебный барабан»[10]. Лексема *kūmdes, koamtas, kiəmdes, koamdtazi* «волшебный барабан» зафиксирована в Семиостровском, Йоканьгском, Лумбовском и Кильдинском погостах в разных фонетических вариациях[11].

5. Магическая лексика (*чуэрвь-гарты, Пōръявьр, почень*).

Чуэрвь-гарты – рога диких оленей, важнейшее орудие охотничьей магии в период, предшествовавший приручению дикого оленя. *Чуэррьв* (*чуэрьв*) – «рог»[12](АА); слово «гарты», возможно, имеет русское произношение, в саамском языке наличествует лексема *гоарръ* (*гоарь*) – «сторона, по направлению к кому-чему, за»[13]. Возможно, значение слова – «по

---

1 KKS. С. 590

2 Керт Г.М. Саамский язык. С. 166.

3 Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. С. 335; ССРРС. С. 63.

4 Волков Н.Н. Российские саамы. С. 72.

5 Теребихин Н.М. Метафизика Севера. С. 7.

6 KKS. С. 283.

7 Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. С. 62–64; Lundmark B. Rijkuo-Maja and Silbo-Gammoe – towards the question of female shamanism in the Saami area // Saami Religion: papers / The Donner Institute for research in religious and Cultural History Abo/Finland; Distributed by Almqvist &Wiksell International Stockholm/Sweden, 1984. P. 158–169.

8 KKS. С. 283.

9 Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. С. 336.

10 Шеффер И. Лапландия. С. 171.

11 KKS. С. 165.

12 СРС. С. 407; ССРРС. С. 109.

13 СРС. С. 75; ССРРС. С. 28.

направлению рогов, вслед за рогами». Этот способ колдовства состоял в следующем: облюбовав себе место в районе охотничьих владений селения, охотник сносил сюда рога убитых им оленей и ставил в два параллельных ряда так, как рога должны были стоять у бегущих друг за другом оленей. Таким образом как бы указывался путь диким стадам, которые должны были следовать за рогами и так приручаться. Унесенная тестем лобная кость с рогом из *чуэррьв-гарта* зятя влекла за собой перемещение стад диких оленей вслед за костью.

Пōръявьр – жертвенное озеро. *Пōръ* от глагола *пōррэ* – «кушать»[1] (АА, НА) и *яввьр* (*явьр*) – «озеро»[2] (АА, НА). По рассказам ижемцев, которые записал Н.Н. Волков, у этого озера было множество жертвенных рогов оленей, украшенных нитками бисера и кусочками цветного сукна[3]. Возможно, это сложное слово подчинительного типа.

Почень – пояс особого устройства и формы, использовали при волхованиях, лечении больных. Обряд, связанный с ним, описан у Н.Н. Волкова[4]. Лексема не зафиксирована в словарях саамского языка.

Таким образом, в группе «Лексика дохристианских верований» выделяются 5 подгрупп в соответствии с формами первобытных верований (тотемизм, фетишизм, анимизм, магия и шаманизм). С точки зрения происхождения, в данной группе не встречаются заимствования из русского языка. Лексема *сēйд* восходит к уральскому пласту лексики, лексемы *Тьерьмесь, нойд, Мец-* имеют параллели в финском языке. В настоящее время лексика дохристианских верований вышла из общего употребления, она зафиксирована в этнографических и фольклорных источниках, в словарях современного саамского языка она не отражена, кроме лексемы *нуэйт*. В KKS с пометой *религ.* представлены тематические группы лексики тотемизма, фетишизма, анимизма и шаманизма, магическая лексика в KKS не обнаружена. Культовое значение у отдельных лексем вторично (*ерлечетьке, пыррт-хозяин*). Лексика данной группы отражает языческие верования коренного народа Кольского полуострова, связанные с древнейшим традиционным промыслом – оленеводством.

Религиозную ***христианскую*** лексику кильдинского диалекта можно представить, используя классификацию, предложенную Г.Н. Скляревской[5] и Р.И. Горюшиной[6], в виде следующих подгрупп:

---

[1] СРС. С. 266; ССРРС. С. 75.
[2] СРС. С. 431; ССРРС. С. 115.
[3] Волков Н.Н. Российские саамы. С. 73.
[4] Там же. С. 77–78.
[5] Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. С. 8.
[6] Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 7–12.

1. Наименования Верховного божества, Всевышнего творца (*Ōсподт, Йммель, Алльм Аджь, Йммель Вӯйнас, Пассь уйнас, Пассь Йӈӈк, альм выгкэй*).

В данную группу входят названия, обозначающие Верховное Божество, управляющее миром. Анализ материала показывает, что названия эти состоят как из однословных наименований (*Ōсподт* – Господь, *Йммель* – Бог), так и из составных (*Алльм Аджь* – Небесный Отец, *Йммель Вӯйнас* – Божий Дух, *Пассь уйнас* – святой дух, *Пассь Йӈӈк* – святой дух (святая душа), *альм выгкэй* – небесный покровитель).

В СРС и ССРРС данные составные наименования не встречаются, представлены только отдельные компоненты словосочетания: слова *алльм* – «небо»[1], *аджь* – «отец»[2], *йммель* – «бог»[3], *вӯйнас* – «воздух»[4], *пассь* – «пост»[5] с пометой *рел.*; *йӈӈк* – «душа»[6], *выгкэй* – «вождь, руководитель»[7]. Слово *Ōсподт*, несомненно, является русским заимствованием, подвергшимся фонетическому изменению (*Господь – Ōсподт*), в СРС и ССРРС оно не зафиксировано. Составные наименования являются религиозными терминами, они относятся к лексике ограниченного употребления. Слова, входящие в составные наименования, относятся к общеупотребительной лексике, они зафиксированы в словарях и образуют сочетания с другими словами, напр.: *пассь пēйив* – «воскресенье (день недели)»[8], *йӈкант пыйе* – «вкладывать душу *во что*; *йӈкант пыйе кāнҺц кāннцант* – жить душа в душу»[9], а также участвуют в словообразовании: *йӈкхуввэ* – «очерстветь, стать бездушным»; *йӈӈклуввэ* – «стать душевным»[10]; *йммель лоаннҺт* зоол. – оляпка (*букв.* Божья птичка; *по саамским поверьям эта птичка принесла богу травинку, с которой пошла земля*)[11]. Составные наименования используются в духовной литературе и переводах Библии.

2. Наименования понятий, обозначающих религиозные начала (*йӈӈк, лыхкк, Алльм Цоāррвудт, рāйй, нāввмуш, вуэссьвудт, вӯййкэссьт сāррнмуш, Пассь вйрр*).

Йӈӈк – «душа»[12], «дух» (АА). Слово *йӈӈк* входит в следующие фразеологизмы: *йӈкант пыйе кāнҺц кāннцант* – «жить душа в душу»; *йӈкант*

---

[1] СРС. С. 24; ССРРС. С. 12.
[2] СРС. С. 20; ССРРС. С. 11.
[3] СРС. С. 91.
[4] Там же. С. 55; ССРРС. С. 22.
[5] СРС. С. 250.
[6] Там же. С. 92.
[7] ССРРС. С. 26.
[8] СРС. С. 250
[9] Там же. С. 92
[10] Там же.
[11] Там же. С. 91
[12] СРС. С. 92

пыйе – «вкладывать душу во что»; пословицу *мун ӣуӈькэ шэнтэ кӗнпьса* – «у меня на душе полегчало».

Лыххк – «творение» (АА, ЛГ), «работа, дело, труд»[1]; *лыӈк* – «работа, дело, труд, занятие, деятельность»[2]. Слово сочетается с прилагательными, а также входит в состав фразеологизмов, пословиц, поговорок: *лыгк вуайй āррьвдэ мауӈа, куэссь сōнн кӣркха лӣ* посл. «работу можно оценить только после ее завершения, конец – всему делу венец»; *лыӈк ōллмэ эйй тоарм* посл. «работа человека не портит» и др. Лексема участвует в словообразовании: *лыгкхуввэ* – «наработаться», *лыӈкэй* – «рабочий, труженик»[3].

Алльм Цоāррвудт – «Царствие Небесное» (АА), букв. «Неба Царствие».

Рāйй – «рай» (АА, ЕО, ГА, ГТ) – в словарях не зафиксировано. Вразговорной речи употребляется, когда говорят о человеке, который хочет попасть в рай, но его дела не соответствуют его желанию (АА).

Нāввмуши – «заказ, вызов», производное от *нāввэ* – «заказывать что, вызывать кого-что (издалека, через кого-л.)»[4]; «заповедь, наказ» (АА), *нāввэ* – в четвертом своем значении «наказывать (давать наказ)»[5].

Вуэссьвудт – «блаженство» (АА); *вуэссь* – «1) счастье, удача, везение; 2) доля, пай». Слово участвует в словообразовании: *вуазлэш* – «счастливый; удачливый, везучий»; *вуасстэ* – «осчастливить кого и др.»[6]; «счастье»[7].

Вӣйкэссьт сāррнмуши – «откровение» (АА), прямой, откровенный разговор; *вӣйкэсьт* – «прямо»[8], *вӣйкесьт* – «прямо; верно, правильно; честно; резко»[9], *сāррнмуши* – «разговор, речь (выступление)»[10], «разговор, беседа»[11].

Пассь вӣрр – «святая вера» (ЛГ, АА), *вӣррэ* – «доверять, оказывать доверие»[12], «верить, доверять»[13].

Таким образом, данная группа слов состоит как из однословных, так и из составных наименований. Составные наименования свойственны религиозной сфере употребления, однословные наименования относятся к

---

[1] ССРРС. С. 54
[2] СРС. С. 173
[3] Там же. С. 173
[4] СРС. С. 224–225.
[5] ССРРС. С. 66.
[6] СРС. С. 64.
[7] ССРРС. С.25.
[8] СРС. С. 55.
[9] ССРРС. С. 22.
[10] Там же. С. 85.
[11] СРС. С. 316.
[12] Там же. С. 45.
[13] ССРРС. С. 19.

общеупотребительной лексике, они многозначны. Только одно из значений этих слов используется в сфере религии, однако у такого значения нет помет *религ.* или *церк.* С точки зрения происхождения, это слова саамские. Возможно, что слова *вирр, вӣррэ, цоāрр* заимствованы из русского языка (ср. вера, царь).

3. Наименования понятий, противоречащих религиозным началам (*рēххьк, луйххк, рēкь лыххкэй, цуэррьт, чāнн, рēкь Чōххкэй, адт*).

Рēххьк – «грех» (АА); в СРС и ССРРС не зафиксировано.

Луйххк – «лукавый, порождение ехидны» (АА), *луйххк* – «хитрый»[1], в СРС не зафиксировано, в ССРРС сочетаемости с другими словами не представлено.

Рēкь лыххкэй – «искуситель, искушение» (АА); *рēhкь* – «враг, недруг, противник»[2], *рēххьк* – «враг, неприятель»[3]; *лыххкэй* – «1) рабочий, 2) трудящийся»[4] (букв. «враг-рабочий» от *лыhк* – «работа, дело, труд, занятие, деятельность»)[5]. В данном словосочетании по правилам образования словосочетания в саамском языке в определительной функции выступает существительное в номинативе, которое выполняет роль относительного прилагательного и стоит перед определяемым словом (букв. вражеский работник).

Цуэррьт – «черт»[6] (ЛГ, ГП, ГВ, ЮВ). Это односложное именование, возможно, русское заимствование (ср.: черт). Встречаются с этим словом поговорки *цуаррта чӯрьвэ ӣл* – «к черту на рога»; *цуэрьт мӣлльтэсь* – «черт с ним», *цуартас ēннэ* – «до черта (очень много)» и сравнения (*рāххт, гу цуэррьт лоаднэсьт* – «бежит, как черт от ладана»)[7]. *Чāнн* – «черт»[8]; «дьявол, черт» (АА, НА, ПМ, ЮА). Слово *чāнн* также входит в состав поговорок и пословиц: *чāнн лӣ тоннэ тоāвврэши* – «черт тебе товарищ» (о человеке, который делает много зла); *чāнэсьт вуайй поāччкэ, ӣджь ӣджьсант эгк поāчк* – «от черта можно убежать, а от себя нет»; *чāнн пыннь сōн чӯдзэ* – «черт пасет его стадо» (о человеке, хорошо знающем местность, повадки животных, у которого не разбредается стадо; по саамским поверьям, некоторым людям силы рода помогали сохранять стада); *чāнн эйй ēск оāрртэдтэ тэнн райя, кōнн райя сōнэсьт нюххчемь лӣ поаhк* – «черт не перестанет ругаться до тех пор, пока у него теплый язык» (т.е. пока жив)[9].

---

[1] ССРРС. С. 52.
[2] СРС. С. 291.
[3] ССРРС. С. 81.
[4] Там же. С. 54.
[5] СРС. С. 173.
[6] Там же. С. 382.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 387.
[9] СРС. С. 387.

Рēкь Чōххкэй – «искуситель» (АА), в СРС и ССРРС слово *Чōххкэй* не зафиксировано, от *чōххкэ* – колоть, выколоть[1]; *чōгк* прям., перен. – «острый»[2].

Āдт – «ад» (АА, ММ, НА, ПМ). В СРС и ССРРС не зафиксировано.

4. Наименования предметов культа, церковной утвари (*лāдан, рысст, тӯвас, кōдтэм кāввьн, коавлас, коаммрэллэ*).

Лāдан – «ладан» (АА), лексема в словарях не зафиксирована (ср. *рāххт, гу цуэррьт лоаднэсьт* – «бежит, как черт от ладана»)[3].

Рысст – «крест»[4] (АА). Входит в словосочетание *сыллп рысст* «серебряный крест»; а также в состав устойчивого оборота *рыссьтэ кӣдэ оаррэ* – «бездельничать, сидеть сложа руки» (букв. сидеть с руками крестом) и устойчивого словосочетания *рыст ēннъ* «крестная мать», *рыст аджь* «крестный отец»[5].

Тӯвас – «свеча»[6] (АА, ЛГ, ПМ), *вōсск тӯвас* – «восковая свеча», *пуэлхэ тӯввас* – «зажечь свечу»[7].

Кōдтэм кāввьн – «кадило» (букв. предмет для каждения) (АА), первый компонент словосочетания в словарях не зафиксирован, *кāввьн* – «предмет»[8], *кōдтэ* – «кадить» (АА).

Коавлас – «икона» (АА), слово *коавлас* в СРС и ССРРС имеет другие значения: «1) воротник, 2) воротничок» (СРС:113), «воротник» (ССРРС:39).

5. Наименования религиозных обрядов, таинств (*моāйнсемушш, коāййдэдтмушш, пассь, вяннцъемушш, коаммрэллмушш*).

Моāйнсемушш – «проповедь» (АА), «разговор»[9]. От *моайнас* – «1) сказка, 2) рассказ»[10].

Коāййдэдтмушш – «покаяние», *коāййдэдтэ* – «каяться», *коāййдэттэй* – «кающийся» (АА). В СРС и ССРРС слово не зафиксировано.

Пассь рел. – «пост»[11], *пазьхе* – «поститься» (АА, ГВ, ГП, ЕО).

Вянннцъемушш – «венчание» (АА, ГП, ЕО, ЮА); *вēнньц* рел. «венец», *вянннцъедтэ* – «обвенчаться, венчаться»[12].

---

1 ССРРС. С. 107.
2 СРС. С. 398.
3 Там же. С. 382.
4 Там же. С. 306.
5 Там же. С. 306.
6 Там же. С. 359; ССРРС. С. 96.
7 Там же. С. 359.
8 ССРРС. С. 34.
9 Там же. С. 59.
10 СРС. С. 194.
11 Там же. С. 250.
12 Там же. С. 41.

Коаммрэллмуши – «поклонение» (АА); в СРС и ССРРС слово не зафиксировано, возможно, от *коаммьрэ* – «поклониться»[1], *коаммрэллэ* – «кланяться, поклониться»[2].

6. Наименования священнослужителей, христианской церковной иерархии (*шурьмусслушшэй, пассьлыхкэй, вӯйнасвудт, коāйей*).

Шурьмусслушшэй – «первосвященник» (АА), *шӯрр* – «большой, крупный, огромный»[3], *шурьмусс* – «первосвященный, главный, руководитель, наставник, начальник, попечитель» (АА), *лушшэ* – «служить, нести службу»[4]; *лушшэй* – «служитель» (АА).

Вӯйнасвудт – «духовенство» (АА). В СРС и ССРРС слово не зафиксировано.

Пассьлыхкэй – «преподобный» (АА), сложное слово букв. «святой работник». В ССРРС и СРС слово не зафиксировано.

Коāйей – «исповедник» (АА), в ССРРС и СРС не зафиксировано.

7. Наименования подвижников и противников христианства (*ялмуж эвтэс уйнэй, мӣллвэсь, кырьеть-лōгкэй, Рысстэй Эвван, эвтэс ялмуж сāррнэй, Йммьле вӣррэй*).

Ялмуж эвтэс уйнэй – «пророк» (АА), *ялмуши* – «жизнь»[5], *ял* – «жизнь»[6], *эвтэс* – «вперед»[7], *уйнэ* – «видеть, увидеть»[8], букв. «жизнь вперед видящий».

Мӣллвэсь – «мудрецы, волхвы» (АА), *мӣллвэсь* – «умный, толковый»[9].

Кырьеть-логкэй – «книжники» (АА), букв. «книгу читающие». В словарях зафиксированы *кыррый* – «письмо»[10], «1) письмо, 2) грамота, 3) книга»[11]; *лōгкэ* – «читать» (АА).

Рысстэй Эвван – «Иоанн Креститель» (АА, НА).

Эвтэс ялмуж сāррнэй – «проповедник» (АА), букв. «вперед жизнь сообщающий, говорящий», *сāррнэ* – «1) говорить, 2) разговаривать, 3) произносить, 4) называть, 5) объявлять, 6) сообщать»[12].

Йммьле вӣррэй – «верующий» (АА), букв. «в Бога верящий».

8. Наименования книг церковного содержания: *Пась Евангели* – «святое Евангелие, Библия» (АА, НА, ММ, ЕО).

---

[1] СРС. С. 117.
[2] ССРРС. С. 40.
[3] СРС. С. 413.
[4] Там же. С. 169.
[5] ССРРС. С. 115.
[6] СРС. С. 432.
[7] ССРРС. С. 112; СРС. С. 421.
[8] ССРРС. С. 100; СРС. С. 370.
[9] ССРРС. С. 58; СРС. С. 190.
[10] СРС. С. 142.
[11] ССРРС. С. 46.
[12] Там же. С. 85.

9. Наименования церкви, храмовой постройки (*Йммель пэррт, Коаммрэллэм пэррт*).

Йммель пэ̄ррт – «церковь, храм» (АА, ЛГ, ГП, ЮА), *пэ̄ррт* – «жилище, дом»[1], букв. «Бога дом». Именование образовано по модели «*сущ. в генитиве+сущ.*» и обозначает «*лицо, которому что-либо принадлежит*».

Коаммрэллэм пэ̄ррт – «монастырь» (АА), *коаммьрэ* – «поклониться», прям. и перен. «кланяться (постоянно, иногда, бывало)»[2]. Букв. «дом для поклонения, молитв» (АА). Именование образовано по модели «*сущ. в генитиве+сущ.*» и обозначает «*предмет, предназначенный для чего-либо*»[3].

Таким образом, в составе группы «Лексика христианских верований» выделено 9 подгрупп. Среди слов, входящих в данную группу, в словарях наличествуют отдельные непроизводные лексемы (*тӯвас, йӈук*), несколько из них зафиксированы только в составе фразеологизмов (*цуэррьт, лӑдан*), чаще у лексем в словарях не дается религиозное значение (*коа̄влас, луйххк*). Составные наименования не зафиксированы в словарях саамского языка. Религиозное значение у лексем вторично, не всегда отражено в словарях, а выяснено в результате опроса информантов (*коа̄влас, шурьмус-сьлушшэй, нӑввмуши*). В исследуемой группе представлена синонимия среди наименований Верховного Божества (*Ӧсподт, Йммель, Алльм Аджь*) и в группе слов, обозначающих понятия, противоречащие религиозным началам (*цуэррьт, ча̄нн*); есть также антонимия (*ра̄йй – а̄дт, Ӧсподт – цуэррьт*). С точки зрения происхождения, в группе присутствуют как исконно саамские (*Йммель, ча̄нн*), так и заимствованные слова (*Ӧсподт, лӑдан, рысст*). Заимствованные лексемы употребляются наряду с исконными (*цуэррьт – ча̄нн*) в составе устойчивых словосочетаний и в пословицах, поговорках. В настоящее время сфера употребления данных слов различна: отдельные лексемы могут употребляться в разговорной речи, большинство лексем встречается только в книгах религиозного содержания. Поскольку богослужение на саамском языке не ведется, нельзя сказать, что данные слова употребляются в речи священнослужителей. В разговорной речи отдельные слова сохранились только в составе фразеологизмов. Данная группа лексики в кильдинском диалекте отражает христианские воззрения саамов, которые явились результатом распространения православия русскими священниками.

---

[1] СРС. С. 280.
[2] Там же. С. 117.
[3] ССРРС. С. 246.

2.3. Обряды саамов и лексика обрядов жизненного цикла

Принятая в русской этнографии классификация включает в себя 3 группы обрядов: «обряды жизненного цикла», «обряды календарные», «обряды окказиональные». Обряды, связанные с рождением детей, заключением брачного союза и смертью, принято называть обрядами жизненного цикла или семейными обрядами. Обряды жизненного цикла базируются на народных представлениях о жизни и смерти, смысле человеческого существования, что выражается в разных ритуальных действиях.

Семейные обряды являются важными компонентами традиционной культуры народа саами. В данном исследовании под обрядом вслед за Н.М. Талигиной понимается действо (церемония), имеющее регламентацию и связанное с важнейшими событиями социальной, семейной и духовной жизни этноса[1]. Под обрядовой лексикой понимаются названия ритуальных предметов, участников ритуала в связи с их ритуальными функциями, самих ритуалов и др.

В саамском языке имеется общее название ребенка безотносительно его половой принадлежности и возраста: *пāррнэ* «дети, дитя, ребенок»[2] (АА, НА, ЮА, ПМ, ММ). Другие названия детей зависят от возраста: *пāрнэнч* «ребенок, малыш, дитя»[3] (АА, НА, ЮА, ПМ, ММ); *удцьхэнч* «малыш»[4] (АА, НА, ЮА, ПМ); от очередности появления в семье: *авьтма пāррьн* «первенец (девочка или мальчик)» (АА, ЮА, ПМ, ММ); *пуаррса* (*кэ̄сск, нӯра*) *алльк* (*нӣйт*) «старший (средний, младший) сын (дочь)»[5] (АА, ЛГ, ГП, ЕО); от половой принадлежности: *нӣйт* «1. дочь; 2. девушка»[6]; *алльк* «сын»[7] (АА); от особенностей поведения: *ря̄гэч* «плакса»[8] (АА, ЕО, ММ); от степени родства: *шаннт алльк* «приемный сын»[9]. Однословные лексемы для наименования ребенка представляют собой отыменные существительные, образованные при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-энч*: *пāрнэнч* (*от пāррнэ*); *удцьхэнч* (*от удцьха*); *нӣйтэнч* (*от нӣйта*), *пāрьшенч* (*от пāрьшя*); *суффикса -ч* для названия по действию: *ря̄гэч* (*от ря̄гкэ – плакать*); суффикса *-мэсь рōдѣхэльмэсь* «сирота» (*букв.* без родителей)[10]. Лексема *кӣтткэмь* – «люлька, зыбка, ко-

---

[1] Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 4.
[2] СРС. С. 248.
[3] Там же. С. 248.
[4] Там же. С. 369.
[5] Там же. С. 24, 212.
[6] Там же. С. 12.
[7] Там же. С. 24.
[8] Там же. С. 310.
[9] Там же. С. 416.
[10] Там же. С. 298.

лыбель»[1] (АА, ЕО, ГВ, ГП) представляет собой субстантивированное причастие: *кӣдт* «рука»[2], «1) рука; 2) надпись; 3) подпись»[3]; ср.: *кӣдтъ̄тэ* «приручить (зверей, птиц)»[4].

Однословные непроизводные наименования используются для названия лиц, связанных с рождением ребенка: *ённѣ* – «мать»[5] (АА, ГВ, ГП, ПМ, ММ), *аджь* – «отец»[6] (АА, ГВ, ГП, ПМ, ММ), *бабка* – «повитуха, знахарка, которая роды принимала» (АА). «Роды у них (у саамов. – *В.Б.*) обыкновенно бывают легкие, а как женщин, кои бы могли в нужном сем случае пособить, далеко иногда искать, то мужья сами им помогают»[7]. Однословные непроизводные наименования используются и для наименований атрибутов: *пёссь* – «послед» (букв. гнездо (АА); «1. береста 2. гнездо»[8]); *коавас* – «кувакса (*национальное жилище саамов*)»[9] (АА, ГВ, ГП, ПМ, ММ), «чум»[10]; *нӣбпь* – «пуповина» (АА); *раннѣт* – «грудь»[11] (АА), *нинч* – «сосок, грудь, титька» (АА), «1. грудь; 2. вымя»[12]; *тӣсс* – «таз»[13] (АА, НА); *мӣйт* – «молоко»[14] (АА, НА); *сёфьтэрь* – «мох»[15]. Мох использовали в детской люльке вместо пеленок: «Детей кладут они в них, подославши моху, нагих и, прикрыв лоскутом какого-нибудь меха, перетягивают сверху веревочками»[16].

Способность саамского глагола передавать тончайшие оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношениях при помощи словообразовательных суффиксов[17] демонстрируют названия действий, связанных с рождением ребенка: полисемичный глагол *шэ̄ннтэ* – «1. расти/вырасти; 2. родиться 3. стать, быть *кем-чем*»[18] (АА) по линии своего второго значения образует ряд однокоренных лексем для обозначе-

---

1 СРС. С. 112; ССРРС. С. 38.
2 СРС. С. 108.
3 ССРРС. С. 38.
4 СРС. С. 108.
5 Там же. С. 80.
6 Там же. С. 20.
7 Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 55.
8 СРС. С. 254; ССРРС. С. 72.
9 СРС. С. 113.
10 ССРРС. С. 39.
11 Там же. С. 80; СРС. С. 287.
12 Там же. С. 213; ССРРС. С. 63.
13 СРС. С. 346.
14 Там же. С. 180; ССРРС. С. 55.
15 Там же. С. 178.
16 Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов… С. 55.
17 Керт Г.М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка // Сов. финно-угроведение. 1987. № 2. С. 97.
18 СРС. С. 416.

ния действия, субъекта и процесса родильного обряда при помощи словообразовательных суффиксов: *ассьт-* (*шэ̄нntассьтэ* – «разродиться»), *-ъ-* (*шэ̄нntътэ* – «рожать/родить *кого*»), *-ант-* (*шэнтант* – «рождение»), *-та-* (*па̄рьн шэ̄нnта нызан* – «роженица», *букв.* «ребенка родившая женщина»), *-эм-* (*шэ̄нntътэм пэ̄ррт* – «роддом», букв. «рожание дом»); *вэсьт шэ̄нntэм ча̄дзь* – «околоплодные воды» (букв. «воды перед родами») (АА)), *-ма-* (*еськ шэ̄нntма па̄рнэнч* – «новорожденный», букв. «только рожденный ребенок» (АА)), *-нахxьтэмь-* (*шэнтнахxьтэмь* – «бесплодие»[1]). Для обозначения беременности используется отдельная лексема в переносном значении, образованная при помощи глаголообразующего суффикса *-луввэ*: *па̄ллълуввэ* – «1. обзавестись мячом, 2. *перен.* забеременеть» (ср.: *па̄лл* – «мяч»)[2]. В передаче различных оттенков протекания действия по уходу за ребенком участвуют словообразовательные суффиксы *-ассьтэ, -эдтэ, эннтэ: а̄йтнэ парна* – «успокоить ребенка»; *а̄йтнассьтэ* – «1. понянчить *кого* (*немного*), 2. успокоить, утихомирить, унять *кого* (*быстро*)»; *а̄йтнэдтэ* – «1. нянчить кого (в настоящий момент), 2. утихомиривать, унимать, заниматься успокаиванием, успокаивать *кого* (*постоянно; иногда, бывало*)»; *а̄йтнэннтэ* – «успокаиваться (*о ком-л.*)»; ср.: *а̄ййтнэ* – «успокоиться, утихомириться, уняться (*о ком-л.*)»[3]; суффиксами *-л, -ъ, -элл, -х, -хувв, -муши*: *суаннлэ* – «успокоиться, утихомириться (быстро)»; *суаннънэллэ* – «успокаивать, утихомиривать *кого (постоянно)*»[4]; *уййнэ* – «1. видеть, замечать *кого-что*; 2. наблюдать, присматривать *за кем-чем*» (*уййнэ па̄рнатѣ* – «нянчить детишек»); *ла̄ввкэ* – «купать/выкупать, мыть/вымыть кого (в бане, в ванне)»; *парна ла̄ввкэшь* – «ребенка выкупали»[5].

Самыми распространенными являются синтетические словосочетания, образованные при помощи форм словоизменения: *ла̄йxx ажесьт* (*пуаз*) – «подарок на рождение от отца» (АА, ЛГ) (букв. подарок отца); *ла̄йxx ēннэсьт* (*пуаз*) – «подарок на рождение от матери» (АА, ЛГ). «Новорожденным лопари дарят самку оленя. Все рождающиеся от нее животные принадлежат ему; таким образом лопарь, подрастая, уже владеет собственным стадом»[6]. К этой же группе словосочетаний принадлежат: *ēнас па̄ррнэе ēннѣ* – «многодетная мать» (СРС:80) (букв. множество детям мать); *па̄рьн шэ̄нnта нызан* – «родившая женщина, роженица» (АА); *раннѣт ча̄дзь* – «молозиво» (АА, ГА) (букв. грудь вода); *ēннѣ ма̄ййт* – «материнское молоко» (АА) (букв. «мать молоко»); *вēшшьк та̄сс* – «мед-

---

1 СРС. С. 416.
2 Там же. С. 246.
3 Там же. С. 22.
4 Там же. С. 334.
5 Там же. С. 151.
6 Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1877. С. 494.

ный таз» (букв. «медь таз») (АА, НА, ГТ); *парна лӣ кэ̄бпяй* – «ребенок болезненный»; *ēннѣ лӣ па̄ррнай* – «многодетная мать»; *вэсьт шэ̄нntэм ча̄дзь* – «околоплодные воды» (АА) (букв. «перед родами вода»); *кӣссэ парна одьяла сыз* – «завернуть ребенка в одеяло»[1]; *вэсьт шэ̄нntэм* – «на сносях» (букв. перед родами) (АА); *па̄рьн сай* – «послед» (АА) (букв. «дети место»); *ранѣт вуайва* «сосок» (АА), *нинч вуайва* – «сосок»[2] (АА) (букв. «грудь голова»); *шэ̄нntъtэм пэ̄ррт* – «роддом» (букв. рожание дом)[3]; *вуадтхэллэм лыввьт* – «колыбельная песня»[4] (АА); *нимтэй нызан* – «кормящая женщина» (АА); *раннѣт па̄рна* – «грудной ребенок»; *ло̄ссесь парна* – «трудный ребенок», *нӯра нӣйт* (*алльк*) – «младшая дочь (сын)»; *пуаррса нӣйт* (*алльк*) – «старшая дочь (сын)»; *кэскмусс нӣйт* (*алльк*) – «средняя дочь (сын)»; *шаннт алльк* – «приемный сын» (ср.: *шаннт* «родной») (СРС:416), *шэ̄рэдэй сӣря* – «погремушка» (букв. «гремящая игрушка») (СРС:417). Лексемы *ажьхэмь-ēннѣхэмь па̄ррьща* – «сирота» (о мальчике) (АА); *ажьхэмь-ēннѣхэмь нӣйта* – «сирота» (о девочке) (ГП, АА) – так называемые «лишительные» относительные прилагательные, образованные от имени существительного при помощи суффикса *-хэмь*[5]. Лексемы *ēннѣ-пēлль* – «мачеха» (СРС:80), *аджь – пēлль* (СРС:20) – «отчим» (букв. «половина отца, половина матери», ср.: *пēлль* – «половина» (СРС:252)) образованы словосложением с подчинительной связью.

В традиционной культуре послед воспринимался «как вместилище сакральной субстанции, обеспечивавшей существование новорожденного на протяжении всей его жизни», поэтому после родов необходимо убирать послед. Для этого ритуала используются словосочетания *ко̄ппче па̄рьн сай* (*ко̄ппче сай*) – «убирать послед» (АА) и *чӣгкэ па̄рьн сай* – «хоронить послед» (АА), значение второго словосочетания обозначает собой отношение к последу как к умершему «двойнику» ребенка[6]. В то же время существовало поверье, что ребенок может «родиться в рубашке», т.е. стать удачливым и счастливым, если на нем остаются остатки последа (ср.: *шэ̄нntэ па̄йтэсьт* – «родиться в рубашке» (АА)).

Начало беременности и родов обозначается синтетическими словосочетаниями, связь между компонентами которых выражена формами словоизменения: они образованы по типу «имя сущ. в номинативе + личная форма глагола»: *оа̄ссэ пудтэ̄н, го нызан вӯлкэхьт* – «месячные кончились, если женщина забеременела» (АА); *оафт ча̄зь* – «отошли воды» (АА); *авьтма оа̄фт пудтэ̄нѣ* – «первые схватки» (букв. схватки начались, при-

---

[1] СРС. С. 112.
[2] Там же. С. 213.
[3] Там же. С. 416.
[4] ССРРС. С. 24; СРС. С. 60.
[5] Керт Г.М. Саамский язык. С. 168.
[6] Батоева Д.Б. Семантика родильной обрядности у бурят: автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 13.

шли (АА)) и *оāффт – оāфт воāлтлэшкудтэнѣ* – «схватки стали чувствоваться» (АА).

Отдельные словосочетания имеются для обозначения обряда смотрин, т.е. посещения младенца родственниками через некоторое время после рождения – *кӣххчмуши парна, кӣххчмуши* – «смотрины» (АА, НА), «1) проверка; 2) наблюдение» (СРРСС: 39), *уйнмуши парна* – «смотрины» (АА, НА). Лексемы *кӣххчмуши, уйнмуши* образованы при помощи суффикса *-муши* от глаголов *кӣнче* – «смотреть» (СРС:109); *кӣххче* «1) смотреть, глядеть; 2) следить; 3) проверять; 4) наблюдать» (СРРСС: 39); *уйнэ* «1. видеть, замечать *кого-что*; 2. наблюдать, присматривать *за кем-чем*; 3. воображать, представлять себе мысленно» (СРС:370); «1) видеть, увидеть; 2) замечать, заметить; 3) проверять, проверить» (СРРСС:100).

В целом терминология родильного обряда является исконной. Это связано, вероятно, с тем, что лексика родильного обряда имеет более консервативный, замкнутый, в большинстве своем архаический характер. Замена ее заимствованиями из русского языка встречается редко (*бабка – повитуха*). 49 собранных и проанализированных единиц лексики родильного обряда не зафиксированы в словарях саамского языка.

По мнению А.Г. Эндюковского, «одной из наиболее характерных черт словаря саама является наличие в нем большого количества слов, весьма конкретных по своему значению. То, что в русском языке выражается одним словом, используемым для обозначения ряда сходных между собой явлений или предметов, то в кольско-саамском весьма нередко требует двух, трех и даже более разных слов. <…> Это обстоятельство свидетельствует о большой конкретности мышления саама, не удовлетворяющегося словами с общим, абстрактным значением»[1]. Примером обозначенного явления служат словосочетания, состоящие из трех и более компонентов: *сӯсскма лӗйип трепьцасьт корса кӣжегуэйм* – «соска» (АА) (букв. разжеванный хлеб, завернутый в тряпочку и связанный концами), *кāсьт чуллмдув олма я ӗлльмэнѣ шант* – «матка» (букв. место, где завязывается человек и живым родится) (АА) и др.

Данный пласт лексики является свидетельством самобытного мировоззрения коренного народа Кольского полуострова, особенностей его жизни. Древние мифологические представления саамов об одинаковом устройстве природы и человека отражает лексема *пӗссь* – «послед» (букв. «гнездо» (АА); «1. береста 2. гнездо» (СРС:254; ССРРС:72)). Лексемы *коавас* – «кувакса (*национальное жилище саамов*)» (СРС:113), «чум» (ССРРС:39) отражает образ жизни саамов, связанный с кочеванием; лексемы *лāйхх ажесьт* (*пуаз*) – «подарок на рождение от отца» (АА) (букв. «подарок отца – олень»); *лāйхх ӗннэсьт* (*пуаз*) – «подарок на рождение от ма-

[1] Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык. С. 160.

тери – олень» (АА) отражают обычаи саамов, связанные с традиционным занятием – оленеводством.

Обряд крещения относится к церковным обрядам и связан с христианизацией саамов Кольского полуострова, которая произошла окончательно только в XVI в., хотя о контактах русских с саамами известно с конца XII в. Длительное общение саамов с русским населением подготовило почву для перехода их к христианству[1]. Как отмечает этнограф Н.Н. Волков, христианскими обрядами сопровождались обряды жизненного цикла: рождение ребенка, вступление в брак и похороны[2]. Важным вопросом первого периода появления ребенка в семье был вопрос о его крещении.

Описание элементов саамского обряда крещения встречается в работах Н.Н. Харузина[3], Т.В. Лукьянченко[4], И. Шеффера[5]. Однако лексика крестильного обряда кильдинского диалекта саамского языка практически не представлена в данных этнографических работах, она до сих пор не являлась предметом системного лингвистического анализа.

В составе крестильной лексики на основе семантической близости терминов можно выделить следующие подгруппы: «Наименования ребенка»; «Наименования лиц, связанных с обрядом крещения ребенка»; «Наименования атрибутов, связанных с крещением ребенка»; «Наименования действий, связанных с крещением ребенка».

Определяющим компонентом в группе крестильной лексики является существительное *рысст* – «крест» (СРС:306, АА, НА, ЛГ, ЮА, ММ, ЕО), *rišt, rist* – «крест» в Кильдинском погосте (KKS:443). По данным информантов, в кильдинском диалекте имеется название крестильного обряда – *рысст-муш, ср. ristmus* – «крещение» в Кильдинском погосте (KKS:443). Вдругих современных словарях саамского языка данная лексема не зафиксирована. Данная лексема производная и образована отсуществительного *рысст* – «крест» при помощи продуктивного суффикса *-муш*, с помощью которого в саамском языке образуются имена со значением названия действия.

Существительное *рысст* является производящей основой в подгруппе «Названия действий, связанных с обрядом крещения ребенка» для однословных лексем, образованных при помощи транспонирующих (образующих глаголы от имен) суффиксов: суффикса -э, который одновременно является и показателем инфинитива: *рысстэ* – «*крестить кого-что*» (АА), «*рел. 1. крестить кого-что, 2. креститься (делать рукой знак креста)*» (СРС:306, АА), *ristэ* – «*крестить*» (KKS:443); суффикса *-нэдт*, который является комбинацией рефлексивного суффикса *-эдт* и первичного суффикса

---

[1] Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1: Кольская земля. С. 42.

[2] Волков Н.Н. Российские саамы. С. 72.

[3] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 178–206, 256–258.

[4] Лукьянченко Т.В. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 108–117.

[5] Шеффер И. Лапландия. С. 326.

-н и придает глаголу значение рефлексивности действия: *рыстнэдтэ* – «креститься (*совершать обряд крещения*)» (АА, ЛГ, ГП), «рел. 1. креститься (*делать рукой знак креста*) 2. креститься (*совершать обряд крещения*)» (СРС:306), *ristnetted* (refl.) (KKS:443); суффикса *-х*, который передает видовые отношения: *рыстхэ* – «*рел.* окрестить *кого*» (СРС:306, АА, ГА, ГТ, ЮА), *ristxas* – «*окрестить*» (KKS:443) (ср.: *рысстэ* – «*крестить*»).

По данным информантов, для обращения к Богу существует глагол *мōллдэдтэ* – «молиться» (АА, ЛГ), не зафиксированный в современных словарях саамского языка и в KKS. Суффикс *-дэдт* – рефлексивный суффикс в комбинации с первичным суффиксом. Лексема *мōллдэтмуши* (АА), образованная от глагола *мōллдэдтэ* при помощи суффикса *-муши* со значением названия действия, является существительным, обозначающим процесс совершения таинства молитвы и переводится как «*моление*» и «*молитва*».

Во время крещения, как известно, ребенку давалось имя, которое обычно выбиралось по святцам, т.е. ребенка называли именем того святого, на день которого приходилось его рождение или крещение. В кильдинском диалекте саамского языка существует несколько лексем для обозначения имянаречения: *коаһче, коачнэ, аннѣтэ нэ̄м, ва̄льтэ нэ̄м.* Глаголы *коаһче* и *коачнэ* отличаются оттенками значения протекания действий, которые вносят саамские словообразовательные суффиксы. Суффикс *-ч* выражает длительность, постоянство действия: *коаһче* – «1. звать, вызывать, подзывать *кого*; 2. звать, называть кого-что. *Кōххт тōн коадчетѣ?* – Как тебя зовут? *Па̄рнатѣ тоаййв коадчетѣ рōдэ нэ̄мме.* – Детей часто называют именами родственников» (СРС:115, АА). Суффикс *-н* выражает периодичность действия: *коачнэ* – «1. звать, вызывать, подзывать *кого* (*постоянно, иногда, бывало*); 2. звать, называть *кого* (*постоянно, иногда, бывало*)». *Мӣн пӣррсэсьт парнатѣ пай кодчнэтѣ рōдэ нэ̄мме.* – «В нашей семье детей всегда называют именами родственников» (СРС:115, АА). Кроме того, глагол *коаһче* обозначает действие, протекающее сейчас, глагол *коачнэ* – действие, протекающее когда-то (АА).

Имянаречение могло обозначаться и синонимичными словосочетаниями: *аннѣтэ нэ̄м* и *ва̄льтэ нэ̄м. Аннѣтэ нэ̄м* – «дать имя *кому,* назвать *кого*» (СРС:80), «назвать именем» (АА, ЛГ, ГП, ГВ). *Ва̄льтэ нэ̄м* – «назвать именем» (АА, ЛГ, ГП, ГВ), букв. «брать имя» (ср. *ва̄льтэ* – «брать/взять *кого-что*» (СРС:219).

В подгруппе «Названия участников обряда крещения» в кильдинском диалекте входят слова *кум, кума* – «кум, кума» (АА, НА, ЕО, ЮА), которые в словарях саамского языка не зафиксированы. Данные лексемы – «чистые» заимствования[1] из русского языка. *Ēннѣ* – «мать» (СРС:80, АА, НА) и *аджь* – «отец» (СРС:20, АА, НА) (ср.: *рыст-очим, рыстъ-ейча* –

[1] Гвоздарев Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учеб. пособие. Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2008. С. 118.

«крестный отец»[1]). *Рыст ēннѣ* – фр. «крестная мать» (СРС:306; АА; НА) (ср.: *рыстъ-янна* – «крестная мать»[2]). *Рыст аджь* – «крестный отец» (СРС:306; АА; НА) (ср.: *rist-aīj* – «крестный отец» (KKS:442)). *Рыст нāйт* – «*крестная дочь*» (АА). *Рысст алльк* – «крестный сын» (ср.: *rist-allgg* (*Кильдин*) – «крестный сын» (KKS:442)). Для наименования священника в кильдинском диалекте используются лексемы *noahn* – «поп» (СРС:259) и *лушшэй* – «служащий» (АА) (ср.: *рысстэдтэм пыррт лушшэй* – «служащий церкви, священник» (АА)). Лексема *лушшэй* представляет собой форму активного причастия незаконченного действия на *-эй* от глагола *лушшэ* – «служить, нести службу» (СРС: 169). Лексема *noahn* «поп» – заимствование из русского языка с незначительной фонетической адаптацией.

Христианский обряд крещения в церкви у саамов проходил по канонам православия. Во время совершения обряда крещения священник освящал воду в купели, читал молитву, а затем окунал ребенка в воду. Непременными атрибутами при этом являлись *рысст* – «крест» (СРС:306; АА; НА), которым священник крестил младенца, *тӯвас* – «свеча» (СРС:359; ССРРС:96; АА) – однословные непроизводные лексемы. Крестный отец дарил крестнику теленка – *рыст ажь пāррьн* – «подарок отца» (АА) (букв. «крестного отца сын»), приплод от которого являлся собственностью ребенка. Обычай дарения крестнику теленка оленя, по данным информантов, сохранился до сегодняшнего дня, правда, соблюдается редко, потому что мало кто имеет сегодня оленей.

Младенца трижды окунали в купель – *пуйххц* (АА, ЮА, ПМ, ГТ). Данное значение у этой лексемы встречается только по данным информантов, в современных саамских словарях значение этого слова – «бочка» (KKS:404, СРС:270, ССРРС:76). Поскольку обряд крещения у саамов мог происходить не только в церкви, но и дома, то для омовения использовались, вероятно, любые приспособления, в которых можно было окунуть и омыть ребенка: *пуйххьц* – «бочка» (KKS:76, СРС:270); *вēшшьк нāххьп* – «медная чашка, миска» (СРС:205; KKS:62, 274; АА); *тāсс* – «таз, лохань, лоханка» (СРС:205; KKS:574; АА, НА). *Тāсс* является фонетически адаптированным заимствованием из русского языка. Лексема *пэссэм* – «ванна, корыто» (ССРРС:28; KKS:358; АА; НА) представляет собой отглагольное имя действия, образованное при помощи суффикса – *ем* от глагола *пэссэ* – «мыть/вымыть, помыть, отмывать/отмыть, умывать/умыть *кого-что*» (СРС:281).

Наполняемость лексико-тематических групп крестильной лексики говорит о том, что этот пласт лексики духовной культуры сохранился в кильдинском диалекте саамского языка, однако он в недостаточной степе-

---

[1] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 310.
[2] Там же. С. 310.

ни зафиксирован в словарях саамского языка: 5 лексем не обнаружено в словарях саамского языка. Обогащение крестильной лексики происходило путем внутренних средств и путем заимствований. Половина зафиксированных однословных непроизводных лексем представляет собой заимствования из русского с определенной фонетической адаптацией (*мōллдэдтэ, кум, поаhр, тасс*).

На примере этой группы слов можно видеть, как проявляется способность саамского глагола «передавать тончайшие оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношениях» при помощи словообразовательных суффиксов. Поскольку саамский глагол в своей лексической форме не имеет значения законченности и незаконченности действия, словообразовательные суффиксы передают оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношениях[1].

В саамском языке имеется общее название свадебного обряда – *свадьба*, которое не зафиксировано в современных словарях саамского языка. В KKS отмечена лексема *svādba*[2] в Иоканьгском, Лумбовском и Кильдинском погостах. Данная лексема также фиксируется и в монографии Г.М. Керта «Саамский язык»[3]. Лексема является заимствованием из русского языка, которое претерпело незначительную фонетическую адаптацию.

Определяющим компонентом в подгруппе «Названия действий» группы «Сватовство» является глагол *вӯнхэ* – «сватать» (АА, ЮА, НА), существительное *вунхэмуши* – «сватовство» (АА). Данные лексемы образуют устойчивые предикативные словосочетания *вунхэмуши ёадтэй* – «сватовство пошло» (АА), *вунхэмуши оāлкхувэ* – «сватовство началось» (АА), *вӯнхэй пӯдтэнь* – «сваты приехали» (АА); глагольные словосочетания *вӯлкхэ вӯнхэетъ* – «послать сватов» (АА), *вӯнхэй кихче коāбсэз* – «поехали сватать невесту» (АА, НА). По данным информанта, существует отдельная лексема для обозначения согласия родителей невесты на ее замужество: *мēда* – «согласна» (АА), *мыйй мӣдтэпь* – «мы согласны» (АА). В словарях саамского языка зафиксирована лексема с близким значением *мēдта* – «не переча *кому*» (ср.: *мӣдтѣ* – «1. попутный, 2. вдоль *чего*, по направлению к *чему*»; *мēдас* «по направлению ветра, по течению реки» (СРС:189)). Очевидно, что значение обеих лексем связано с движением. В данную подгруппу входят также словосочетания *сāррнмуши пāрнь нāйххтэмь баяс* – «разговор о женитьбе сына» (АА); *вуэлка кӯйе* – «пойду замуж» (АА), *кōррэ рыбпехь пырр чāпэхь* – «повязать платочек вокруг шеи» (АА). Последнее связано с обрядом повязанья, когда родители невесты давали согласие на брак дочери и жених повязывал невесте платочек на шею. В существующих современных словарях саамского языка данные

---

[1] Керт Г.М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка. С. 97.

[2] KKS. С. 538.

[3] Керт Г.М. Саамский язык. С. 257.

лексемы и словосочетания, отражающие обряд сватовства, не зафиксированы, кроме *кӯйе* – «замуж» (СРС:131). Лексемы *са̄рр̆ндэдтмуши* – «договор, договоренность, сговор» (СРС:315); *са̄рр̆ндэднэ* – «договариваться, сговариваться *с кем о чем (постоянно, иногда)*» (СРС:315), *соа̄рр̆ндэдтэ*, *соаррнэдтэ* – «договориться» (ССРРС: 87); *мӗдта* – «не переча *кому*» (СРС:189) самостоятельно не имеют значения свадебной обрядовости. В подгруппе «Названия действий» группы «Свадьба» входят лексемы *найххьтэ* – «женить» (АА, ГВ, ГП) (ср.: *на̄jjтэ* (СРС:205), *альк на̄jjтэ* – «женить сына» и *ноа̄йххтлэдтэ* – «жениться» (АА, ГТ, ГА) (ср.: *ноаjjтлэдтэ – мӣн алльк а̄йкалт ноаjjтлэдтэ* «наш сын рано женился»; *ноаjjтлэдтма алльк* «женатый сын» (СРС:205)). Лексема *бловословвэв* – «благословляют» (АА) и *вя̄нн̆цъе* – «стать обвенчанным» (СРС:41) связаны с обрядом венчания, который появился у саамов с принятием христианства. С христианским обрядом венчания связано и словосочетание *вӯлкхэллэ поа̄ххьпэ вӗнѣц вуэлла* – «посылают к попу под венец» (АА) (ср.: *вӗнньц – рел.* «венец» (СРС:41); *поаhп* – «поп» (СРС:259)). Для обозначения изменения статуса женщины употребляются словосочетания *выййтэ кӯйе* – «выйти замуж» (СРС:131) и *ка̄ллесьлуввэ* – во втором своем значении – «2) выйти замуж» (ср.: первое значение – «стать мужчиной (т.е. повзрослеть, возмужать)» (СРС:97); *со̄нн лӣ кӯесьт* – «она замужем» (СРС:131), *со̄нн ва̄ллт кӯйе нӣйт* – «берет девушку замуж», (ср.: *ва̄ллтэ коа̄бпкэнѣ* (СРС:112) «брать в жены»); Vältte kesktamus nijdd kuije «взял третью дочь замуж»[1]. Словосочетания *лӯйхкхэллэ коа̄бсэз* – «оплакивают невесту» (АА), *лӯйхкэмь ла̄ввл* – «оплакивание невесты» (АА), *лӯйхкхэмь лыввьт* – «плач, песня» (АА) не зафиксированы в существующих словарях саамского языка. Определяющим компонентом в словосочетаниях является наименование действия *лӯjjкэ* – «плакать, всхлипывать» (СРС:167); *лӯйхьке* – «плакать» (ССРРС:52). Словосочетание *лӯйхкхэл коа̄бсэз* (АА) обозначает процесс плача, в то же время значения двух других словосочетаний связаны с исполнением песни, которая самостоятельно не имеет отношения к свадебному обряду (ср.: *лыввьт* – «народная песня, мелодия (без постоянных слов)» (СРС:172); *луввьт* – «своеобразная саамская песня» (ССРРС:52), *ла̄ввл* – «песня» (СРС:151, ССРРС:48)). С обрядом угощения гостей спиртным во время свадебного застолья связано значение словосочетания *югкенѣ коа̄бсэз* – «пропили невесту» (АА), а *мӣгкенѣ коа̄бсэз* – «продали невесту» (АА) с игровым моментом свадебного действия. В то же время оба словосочетания имеют общий семантический компонент «превращение невесты в жену». В словосочетание *Оа̄лках чиннэ приданое* – «начнет готовить приданое» (АА, ГТ, ПМ) входит заимствованная из русского языка лексема *приданое*. Обычай приготовления всего необходимого для замужества был известен саамам до взаимодействия с русскими,

[1] Керт Г.М. Саамский язык. С. 164.

однако собственной лексемы для его обозначения в саамском языке не сохранилось. К этой же подгруппе относятся словосочетания *оāлкхэлант лāйхетѣ* – «подношение подарков» (АА): «Каждый высказывал добрые пожелания молодым и клал на тарелку деньги (рубль, полтинник), «оленей» в виде сложенных рогообразно спичек, платки, табак, спички и т.д.»[1], и *шāмш пыссьраhтэ* – «расшить шамшуру бисером» (СРС:409, АА, ГТ, ЕО, ЮА, ПМ), отражающее особенность саамского свадебного обряда: «Молодая в шамшуре (женский головной убор) совершенно закрытой красным с цветами шерстяным платком»[2].

Для наименования участников сватовства в кильдинском диалекте саамского языка используются лексемы *жэнэхь* – «жених» (АА, ЛГ, ГА, ЕО, ПМ, СРС:88), *коāлхэсс* – «жених» (СРС:115), *жэнэхь кāннѣц* – «друг жениха» (АА), *коāбсэсс* – «невеста» (ССРРС:39, СРС:113), *коāбсэсслуввэ* – «стать девушкой на выданье» (СРС:113), *нāййт кāнѣц* – «подружки невесты» (АА). Для совершающих сватовство используются лексемы *вӯнхэй* – «сватающий, сват» (АА) (ср.: в словосочетании *вӯнхэй пӯдтэнѣ* – «сваты приехали» (АА)), *вуэссьтэй* – «выкупающие» (АА) в значении «купцы»). В саамской свадьбе есть обряд, когда невеста переодевается перед венчанием. В этом ей помогает определенная женщина. По данным информанта, эта женщина не обязательно родственница невесты, хотя в СРС дается значение лексемы относительно родства: *сӣссь* – «тетя, старшая сестра отца» (СРС:322). В данную подгруппу входят словосочетания *нāййт кӯйе выййтмэсьт* – «девушка на выданье» (СРС:212) (букв. девушка замуж идет); *коāбсэз родхэль* – «родители невесты» (АА), *коāбсэз аджь* – «отец невесты» (АА), *коāбсэз ēннь* – «мать невесты» (АА).

В подгруппу «Названия участников» группы «Свадьба» входят следующие лексемы: *рōдт* – «1) род (семейный), 2) родственник; родня» (СРС:297); наименования жены в зависимости от возраста женщины и длительности ее нахождения в браке: *молода* – «молодая (жена)» (АА); *коāб* – «жена (*молодая*)» (АА, ССРРС:39) (ср.: «1) новобрачная; 2) молодая жена» (СРС:112)); *āххьк* – «жена» (АА); «1) жена; 2) женщина» (ССРРС:14); *āhкь* – «женщина (*замужняя*); баба *прост.*» (СРС:21); *āка агка* в первом значении «старая женщина, старуха, старушка» (СРС:21), во втором – «*ласк.* женушка». Для ласкового наименования жены используется также лексема *коāбпкэнч* (*коабпка*) – «*ласк.* женушка» (СРС:112).

В наименованиях мужчины зафиксированы лексемы, обозначающие семейное положение: *холэстэ* (*олма*) – «холостой (человек)» (СРС:205), *ноājjтлэдтма алльк* – «женатый сын» (СРС:205), *кӯйй* – «муж» (СРС:131, ССРРС:43); *кāллесь* – «муж» (АА) (ср.: *кāллесь* – «1) муж; 2) мужчина;

---

[1] Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция. Л.: Издание Государственного Русского Географического Общества, 1927. С. 18.

[2] Там же. С. 18.

3) старик» (ССРРС:35); *кāллесь* – «1) мужчина (старше 30 лет); 2) муж, супруг)» (СРС:97); а также роль в семье: *зяāхьт* – «зять, муж невесты для всех членов семьи невесты» (АА). Для наименования остальных участников свадебного процесса, по данным информанта, используются лексемы *дружки* – «дружки» (АА, ЕО, ЮВ), *вуэссьтэй* – «выкупающие, купцы» (АА, ЕО, ЮВ) (ср.: *вуэссьтэ* – «покупать, купить» (ССРРС:25, СРС:64)).

Сравнительный анализ данных полевых исследований и словарей саамского языка показал, что одна и та же лексема – *вӯхх* используется для наименования тестя (АА) и свекра[1]; *вӯннѣ* – тещи (АА) и свекрови (СРС:57). В материалах словарей отмечаются расхождения в значениях лексемы *вуэннь* – «невестка (жена старшего брата)» (СРС:62) и «тетя (*сестра матери*)» (ССРРС:25). В данную подгруппу входят также словосочетания, определяющим компонентом которых являются номинативные лексические единицы, характеризующие участников свадебного процесса по их роли в нем: *нэ̄ммда аджь* – «посаженный отец» (АА), *нэ̄ммда ēннь* – «посаженная мать» (АА) (ср.: *нэ̄ммдэ* – «1) называть, назвать (*дать имя*); 2) озаглавить» (ССРРС:64); «давать/дать *кому-л.* имя, кличку, называть/назвать *кого*» (СРС:219)). В словосочетании *рыхкк кēлл* «поющая девушка» (АА) значение первого компонента не зафиксировано в словарях саамского языка и полевых исследованиях (ср.: *кēлл* «колокол» (СРС:105); *кēлл алтэнч* «1) оленуха-вожак (*стада*), 2) звонкоголосая (*о певице*)»; *кēлл* (ССРРС:37) «1) колокол; 2) звонок»), *нӯрр пӣрас* – «молодая семья» (СРС:64, АА).

В подгруппу «Названия атрибутов» группы «Сватовство» входит одно слово – *рыбпехь* «платок» (АА), которым жених повязывал невесту вокруг шеи на два узла, а по узлу судили о его характере: туго завяжет – суровый, жесткий человек; слабо – мягкий, добрый будет в семье (АА). В подгруппу «Названия атрибутов» группы «Свадьба» входят лексемы *лāйхх* – «подарок» (АА; ССРРС:50; СРС:153), *перьвеськ* – «головной убор девушки до свадьбы в виде повязки вокруг головы, расшивался бисером» (АА, ЛГ, ГП, ГВ, НА, СРС:254), *шамшура* – «головной убор, который надевался на невесту вместо *перьвеськ*» (АА) (ср.: *шāмш* – «праздничный головной убор замужней женщины из красного тонкого сукна, расшитого бисером» (СРС:409)), *приданое* – «приданое» (АА), *вēнѣц* – «венец» (СРС:41, АА), *кēввьр* – «обручальное кольцо» (СРС:104), *рысст* – «крест» (СРС:306, АА), *кӯйе выйтэмь оāссэ* – «свадебный наряд» (АА). В эту ЛСГ входят словосочетания *ажь-нӣйт* – «олененок (*самка*) или важенка, подаренная отцом (*напр. дочери на свадьбу*)» (СРС:20), *лӯйхкхэмь пэ̄ррт* – «дом, где оплакивали невесту перед свадьбой»[2], *лēйп пāлл кӯтэнѣ кэльтанѣ* – «символ подаренного на свадьбу оленя» (АА, НА), *лēйп пāлл*

---

[1] Керт Г.М. Саамский язык. С. 149.

[2] Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. С. 91

эфтэнҫ кэльтанҫ – «символ подаренной на свадьбу овцы» (АА, НА), *свадьба туэль* – «свадебный стол» (АА, НА), *молода ыйй* – «первая брачная ночь» (АА, НА).

Таким образом, лексика свадебного обряда демонстрирует утрату саамской свадебной терминологии и замену ее заимствованиями из русского языка (*свадьба, приданое, зяххьт, молода* и др.), в то же время отдельные исконные слова существуют наряду с заимствованными и входят с ними в синонимические отношения (ср.: *коāб* и *молода* «молодая (жена)»; *коāлхэсс* и *жэнэхь* (жених) и др.).

В состав саамской свадебной лексики входят 7 однословных непроизводных лексем, заимствованных из русского языка, которые образуют словосочетания наряду с исконными лексемами. Среди словосочетаний встречаются устойчивые (*вӯнхэмуши ёадтэй* «сватовство пошло»; *югкенҫ коāбсэз* «пропили невесту», *мӣгкенҫ коāбсэз* «продали невесту»). Часть лексических единиц саамской свадебной лексики (30 единиц) не зафиксирована в словарях саамского языка.

Словосочетания *ажь-нӣйй* «олененок (*самка*) или важенка, подаренная отцом (*напр. дочери на свадьбу*)», *лӗйй пāлл кӯтэнҫ кэльтанҫ* «символ подаренного на свадьбу оленя», *лӗйй пāлл эфтэнҫ кэльтанҫ* «символ подаренной на свадьбу овцы» отражают этническое своеобразие коренного народа, выраженное в древних обычаях, которые сохранились до сих пор.

Описанию погребальной обрядности саамов Кольского полуострова посвящены труды Н.Н. Харузина[1]; Ф.Г. Иванова-Дятлова, Н. Дергачева, Де-Ламартиньера[2]; Т.В. Лукьянченко[3], Н.П. Большаковой[4]. Однако погребально-поминальная лексика кильдинского диалекта недостаточно представлена в данных этнографических работах, она до сих пор не подвергалась системному анализу, нет общепринятой классификации и самого обряда.

В структуре погребально-поминального обряда кильдинских саамов можно выделить три периода: предпохоронный (момент наступления смерти, приготовление умершего к погребению, прощание с умершим), похоронный (захоронение или погребение) и послепохоронный (поминальный). В составе данной группы выделены следующие подгруппы: «Общие названия обрядов», «Названия обрядовых действий предпохоронного обряда», «Названия обрядовых действий похоронного обряда», «Названия обрядовых действий послепохоронного обряда», «Названия участников обрядовых действий и умершего», «Названия атрибутов и ме-

---

[1] Харузин Н.Н. Русские Лопари. С. 155–277.

[2] См. об этом: Волков Н.Н. Российские саамы. С. 57.

[3] Лукьянченко Т.В. Семья и обряды жизненного цикла. С. 115–117.

[4] Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. С. 270–275.

ста захоронения погребально-поминального обряда», «Представления о судьбе, жизненном пути».

В саамском языке, по данным информантов, имеется общее название предпохоронного обряда (*проашшьемуши* – «прощение, прощание» (АА)), похоронного обряда (*рӯкант, рӯххкмуши, чӣгкмуши* – «похороны, погребение» (АА)) и поминального обряда (*мушштлэмуши* «поминки» (АА)). Данные лексемы не зафиксированы в современных словарях саамского языка, они являются производными существительными от глаголов *рӯххкэ* – «хоронить» (АА; ССРРС:83; СРС:302); *чӣгкэ* – «засыпать, закрывать, укрывать» (ССРРС:105); «закопать, зарыть *кого-что*; закрыть *что чем*» (СРС:392); *мушштлэ* – «вспоминать *кого-что, о ком-чем*» (АА, СРС:199) при помощи суффиксов *-муши-* и *-ант-* со значением процесса действия. Производящий глагол для обозначения обряда приготовления к смерти в словарях саамского языка не зафиксирован. Для обозначения обряда поминок используются также словосочетания *мушштлэм туэль* – «*поминки*» (АА) (букв. «поминальный стол»); *мушштлэм пӗйв* – «*поминки*» (АА) (букв. «поминальный день»); *ямме́й пӗйв* – «поминки, траур» (АА) (букв. «похоронный день») (АА). Для обозначения обряда прощания с умершим в кильдинском диалекте имеются лексемы *нявввмуши, нявант* – «словесное завещание, т.е. наказ» (АА).

В подгруппе «Названия обрядовых действий предпохоронного периода» входят лексемы, связанные с обрядом приготовления к смерти: *нявввэ* – «заказывать *что*, вызывать *кого-что* (*издалека, через кого-л.*)» (СРС:224), «звать, вызвать *откуда-либо*; просить, заказывать, наказывать (*давать наказ*)» (ССРРС:66); *лӯшшьтэ рӣкеть* – «отпустить грехи» (АА).

Момент наступления смерти обозначается глаголом *ямме* – «умереть, издохнуть, подохнуть» (ГВ, ГП, АА); «умирать, неметь (*терять чувствительность*)» (ССРРС:115). В СРС лексема не зафиксирована. В KKS данная лексема отмечена во всех саамских диалектах Кольского полуострова в значении «умирать, умереть, скончаться» (KKS:49). Сюда же относятся глаголы, обозначающие изменение статуса человека в связи со смертью родственника: *лёссклуввэ* – «овдоветь» (СРС:159) (от существительного *лёсск* – «вдова, вдовец» (СРС:159) при помощи суффикса *-лувв-*). Наряду с однословными лексемами используются устойчивые словосочетания для обозначения момента наступления смерти, в основе определенного круга которых лежит существительное *ӣнук* – «душа» (СРС:92), «душа, дух» (АА): *лӯшшьтэ ӣняс – ӣняс выйтэ* – «дух вышел, испустить дух» (ГТ, АА), *энѣтэ Ӣммьле ӣнук* – «отдал Богу душу» (АА), *вӯлкхэ ӣнук оа̄дтэ райя* – «отправить душу в ад» (АА), *Ӣммель воа̄ллтэ ӣджясь* – «Бог взял к себе» (АА). В основе другого круга – существительные *алльм* – «*свет*» (АА), «*небо*» (ССРРС:12, СРС:24) или *мырр* – «мир (*человеческое общество*)» (ССРРС:60), «мир, вселенная; среда, народ» (СРС:200): *оллтэнѣ тунн аллма* – «отошел на тот свет» (АА) (букв. в то небо); *уйтэ ямме́ мырра* –

«перейти в царство (мир) мертвых» (АА); *уййтэ нымьп аллма* – «уйти в другой мир» (ГА, АА). В лексемах *нагьрувэ агкса нагкрэнѣ* – «заснуть вечным сном» (АА), *уййтэ агкса вуэңңэм сайя* – «уйти на вечный покой (букв. уйти на место вечного покоя)» (АА), *āййтэнѣ* – «успокоился» (АА), *коāтӭ агас чильмэтѣ* – букв. «закрыл навеки глаза» (АА) заключены представления саамов о смерти как вечном сне, покое. Группа устойчивых единиц связана с представлениями саамов о смерти как уходе умершего: *вӯэлькэдѣ мӣнэтѣ* – «покинул нас» (АА), *кӯдӭ мӣнэтѣ* – «оставил нас» (АА); окончании определенного временного промежутка: *āййк пудэ* – «его время жизни кончилось» (АА), *сōн āййк пудэ* – «его время кончилось» (АА), *пӯдӭ соаррьм час* – «настал смертный час» (АА), *эйй кугкь кӣххчма* – «не долго смотрел» (АА). О наступлении момента смерти говорят *вӯййкье ӯлькэтѣ* – «протянуть ноги (букв. выпрямить ноги)» (АА), *эйй ё вӯйн* – «не дышит уже» (ЕО, АА), *ныдтѣ сōн ӣл пудэ* – «букв. так его жизнь кончилась» (АА). Смерть близкого человека в народном сознании не столько безвозвратная потеря, сколько расставание с близкими до встречи в потустороннем мире: *сōн ēллемь уйнладт родэсьгуэйм* – «встретиться со всей родней» (АА). В основе самой многочисленной группы устойчивых словосочетаний лежит лексема *соаррьм* – «смерть» (АА; ССРРС:87), «смерть; кончина, гибель» (СРС:324) (ср. *sorrm* в кильдинском диалекте – «смерть, конец, уничтожение» (KKS:515)): *соаррьм пӯдӭ э уййтэдѣ* – «смерть пришла и унесла» (АА), *соаррьм кōссэль* – «смерть подкосила» (АА), *соаррьм эстэ* – «смерть застала» (АА), *соаррьм воāлльтэ* – «смерть взяла» (АА).

О человеке, который должен скоро умереть, говорят *альт соаррьме ли* – «близко к смерти находится» (АА), *весьт тэль-тэль ӣмм* – «вот-вот прямо перед смертью» (АА), *ӣммедтӭ ли* – «находится по направлению к смерти» (АА), *лӣши соарьм сай альн* – «лежит на смертном одре (букв. лежит на месте смерти) (АА), *лāдан ӣл вуэййн* – «на ладан дышит» (ЛГ, АА).

В подгруппе «Представления о смерти» выявляются семантические оппозиции «своя/не своя смерть»: *ӣжесь соаррьм* «своя смерть» / *эйй ӣжесь соаррьм* «не своя смерть» (АА).

«Не своя смерть»: *эйй ӣжесь сорьмень ёаме* – «умереть не своей смертью», *ӣжесь пӣйв райя ёаме* – «преждевременно умереть» (букв. умереть до своего дня), *ӣжесь пӣйв райя оамьпехьт чильметѣ* букв. «до своего дня закрыл глаза» (АА). В данных лексемах заключено представление саамов о предназначенном каждому человеку своем времени ухода из жизни. «Умереть не своей смертью» значит не дожить до такого дня: *āйнханнэнч соаррьм* – «неожиданная смерть» (АА), *āйкалт пудэ* – «рано умереть» («безвременная смерть (кончина)») (АА); *моāййкье* – «погибнуть» (АА; ССРРС:59), *кāлльме* – «закоченеть (когда умер, а не замерз), околеть» (АА); «мерзнуть; простудиться» (ССРРС:35); *кӣццкэ* – «утонуть» (АА; ССРРС:48), «утонуть; погрузиться в воду» (СРС:254), *коаннѣтэ* – «убивать» (АА, ССРРС:40, СРС:117).

В данной подгруппе прослеживается семантическая оппозиция «тяжелая/легкая смерть»: *лӧссесь соарьм воа̄льтэ* – «умереть тяжелой, трагической смертью» (букв. «трагическая, тяжелая смерть забрала») / *кӗххьпсесь соаррьм* – «легкая смерть» (АА). К словосочетаниям, обозначающим не свою смерть, относится ряд лексем, связанных с самоубийством, в семантическом плане они представляют собой синонимы: *пыйе кӣдэтѣ ӣжесь э̄л* – «наложить на себя руки», *ӣджь ӣжесь коаннѣтэ* – «самого себя убить», *воа̄лльтэ ӣджьсесь ӣук* – «лишить себя жизни (букв. "отнимать, отнять у себя душу")» (АА).

В подгруппу «Названия обрядовых действий предпохоронного периода» входят также лексемы, называющие приготовления умершего к погребению: *тыввнаххьтэ я̄ммей* – «одеть покойника» (АА); (ср.: *тыввнаhтӗ* «одеть кого» (СРС:364); *пэ̄ссэ я̄ммей* – «обмывать покойника» (ММ, АА), (ср.: *пэ̄ссэ* – «мыть, помыть, отмыть, умыть *кого-что*» (СРС:281); «1) мыть, 2) стирать» (ССРРС:78)), *па̄ррьктэ* – «заплетать» (НА, АА); (ср.: «заплетать косу» (ССРРС:70); «заплетать (*косы*)» (СРС:248), *чӧагкэ* – «расчесывать» (АА, ССРРС:106; СРС:397), *кӧррэ ребпехь* – «повязывать (надевать) платок» (АА); (ср.: *коа̄ррэ* – «1) привязывать, привязать, 2) завязывать/завязать» (ССРРС:40); «увязывать/увязать (воз или груз на санях)» (СРС:118)), *ра̄бпэ кальм* – «рыть могилу» (АА, ЛГ, ПМ) (ср.: *ра̄бпэ* – «копать, рыть» (ССРРС:79, СРС:284).

Обряд прощания с покойным в кильдинском диалекте, по данным информанта, обозначается словосочетаниями *ва̄ннѣце, кэ̄дже проашшьемуж* (АА) букв. «идти спрашивать/спросить прощение» и *проашшъедтмуши я̄ммьенѣ* (АА) букв. «прощание с умершим»; *оаррэ я̄ммей луннѣ* – «ночное и дневное бдение у покойника» (букв. «сидеть около покойника») (АА); *оаввлэ* – «плакать» (АА); *ла̄влхэ* – «отпевать» (АА).

Под влиянием христианства появляется обряд отпевания в церкви: *коаммрэллэм пэртэсьт коа̄дтэнѣ, ла̄влхэнѣ* – «кланяться в церкви с каждением, песнями» (процесс отпевания в церкви), *коа̄дтэ* – «кадить (поп кадил)» (АА).

В подгруппу «Названия обрядовых действий похоронного периода» входят следующие лексемы: *рӯххкэ* – «хоронить» (АА; ССРРС:83; СРС:302), «закапывать, зарывать» (KKS:456); *чӣгкэ* – «засыпать; закрывать» (ССРРС:105), «закопать, зарыть *кого-что*; закрыть *что чем*»; *чӣгкэ ка̄льм* – «зарыть могилу» (СРС:392); значение «прятать, закапывать, зарывать, рыть, хоронить, погребать» зафиксировано во всех кольских диалектах (KKS:661), *маӈьмусс ва̄рр* – «проводить в последний путь» (ГП, НА, АА).

В подгруппу «Названия обрядовых действий послепохоронного периода» входит глагол *мушштлэ* – «вспоминать *кого-что, о ком-чем*» (АА; СРС:199); *мушштсэллэ* – «вспоминать» (ССРРС:60).

К подгруппе «Названия участников» относятся лексемы, производные от глагола *я̄мме* «умереть»: *я̄ммьетѣ* – «покойный» (АА), *я̄мма* – «умер-

ший, мертвый» (АА); *ямме́й* – «мертвый, мертвец, покойник» (АА); а также словосочетания *ёа́мм олма* – «покойник» (АА); *агас нагруввма* – «усопший» (АА); от глагола *пэ́ссэ* – «мыть, стирать» (ССРРС:78, СРС:281) – *пэ́ссэй* – «обмывальщик» (АА).

В подгруппу «Названия атрибутов и места захоронения» входят лексемы: *ру́ффь* – «гроб» (АА); *коа́мммплэсс* – «крышка» (ССРРС:116); *я́ммье сыйй́т* – «кладбище» (АА); *сыйй́т* – «*село, поселок, деревня*» (АА; ССРРС:89; СРС:336); *я́ммье ланнь* – «кладбище, город мертвых» (АА, ГА, ГВ); *ка́лльм* – «могила» (АА; ССРРС:35; СРС:98); *а́йй́т* – «ограда» (АА), «изгородь (*для оленей*)» (СРС:22), *ру́ххкэм оа́ссэ* – «погребальные одежды» (АА).

Подгруппа, связанная с представлениями о судьбе, жизненном пути: *ся́дт* – «судьба» (АА), *мугка ляйй ся́дт – а́йкал уйй́тэ та́дь альмесьт* – «такая была судьба – рано уйти с этого света» (АА), *Йммьлень аннта е́ллемь ся́дт* – букв. «Богом дана была долгая жизненная судьба» (АА).

С точки зрения происхождения, в группе «Лексика погребально-поминального обряда» представлены в основном исконные саамские лексемы, заимствований из русского языка зафиксировано только 2 (*памятнэххьк, бурка*). В исследуемой группе широко представлена синонимия: *ру́кант, ру́ххкмуший,чи́гкмуший* «похороны, погребение»; *я́ммьент, я́мма, я́ммей, ёа́мм олма, агас нагьруввма* – «мертвый, мертвец, покойник»; прослеживается семантическая оппозиция «тяжелая/легкая смерть» *ло́ссесь соаррьм/ке́ххьпсесь соаррьм ло́ссесь/ке́ххьпсесь соаррьм.* Исследованный лексический материал свидетельствует о достаточной сохранности погребально-поминальной лексики. Это, с нашей точки зрения, произошло потому, что данная группа имеет более консервативный, замкнутый характер, чем другие группы лексики. В результате полевых исследований был собран не зафиксированный в словарях и этнографической литературе материал (87 единиц).

Анализ лексики духовной культуры саамов представленных тематических групп позволил сделать следующие выводы:

Лексика духовной культуры является разноплановой, она хорошо сохранилась в памяти носителей языка, однако в словарях саамского языка отражена недостаточно. Собрано в общей сложности 398 лексических единиц, не зафиксированных в словарях саамского языка.

Лексика дохристианских верований сохранилась лучше лексики христианских верований, она представляет собой пласт исконной лексики, в которой зафиксированы лексемы, восходящие к уральскому пласту и имеющие параллели в финском языке. Вместе с реалиями, которые она обозначала, лексика дохристианских верований практически вышла из общего употребления, сохранилась только в фольклоре. В лексике христианских верований наряду с исконными лексемами зафиксированы заимство-

вания из русского языка. Сфера употребления христианской лексики ограничена, она используется в основном в текстах религиозного содержания. Это связано с тем, что богослужение на саамском языке не ведется. Исконные и заимствованные лексемы вступают между собой в синонимические отношения.

Лексика обрядов жизненного цикла в основном является исконной. Больше всего заимствований обнаружила крестильная лексика, что связано с заимствованием самого обряда крещения, утрату терминологии и замену ее заимствованиями из русского языка демонстрирует лексика свадебного обряда. Погребально-поминальная лексика оказалась самой многочисленной, в то же время она представляет собой исконный пласт, что связано с консервативностью самого обряда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объект изучения в настоящей монографии – язык и культура коренного народа – является особо трудным для исследования по причине его исчезновения и незафиксированности.

Рассуждая о традиционной культуре малых народов, В.М. Розин отмечает сложность этого вопроса. По его мнению, это не культура аборигенного населения или малых народов, как иногда пишут. Культура этого населения или осталась в прошлом, или представляет собой странную смесь различных культурных влияний и наслоений, что имеем сегодня. Эту так называемую народную культуру трудно выделять. Народную культуру в этом смысле можно назвать научным мифом.

Изучать и сохранять культуру коренных и малых народов в современных условиях трудно еще и потому, что сами народы не возвращаются к традиционному образу жизни. Жить в гармонии с природой мешает индустриализация края, а искусственная изоляция населения не решает, а, наоборот, ускоряет гибель традиционной культуры[1].

Для коренного населения Кольского полуострова эти проблемы чрезвычайно актуальны. Дальнейшее развитие экономики Мурманской области в значительной степени связано с реализацией в Арктической зоне крупнейших стратегических инвестиционных проектов, таких как освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения[2]. Кроме того, в Мурманской области сохраняется очень сложная ситуация с охраной окружающей среды, состоянием экологической безопасности, решением вопросов качества очистки и обеззараживания поставляемой населению воды. Новой проблемой становится обеспечение экологической безопасности при транспортировке и перевалке нефти и нефтепродуктов[3]. Все эти факторы не могут не сказаться на состоянии культуры коренного народа Кольского полуострова.

Саамская общественность старается отстоять свое право на сохранение традиционного образа жизни. Представителями коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Мурманской области, инициированы ряд встреч, проектов, предложений, которые будут способствовать

---

[1] Розин В.М. Метаморфозы российского менталитета: Философские этюды. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 111, 115.

[2] Матвеев А.С. О реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (на примере Мурманской области)// Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: Научно-информационный бюллетень. Вып. 14. Октябрь 2011. Издание Совета Федерации. С. 13. URL: www.severcom.ru/files/.../xxxxx_14xxxxxxx.111228132854.pdf (дата обращения: 29.07.2012).

[3] Матвеев А.С. О реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации. С. 15.

сохранению их традиционного образа жизни и культуры. Они считают, что нужна концепция и программа, а не разовые мероприятия. И именно сами коренные народы должны отдавать приоритет тем или иным мероприятиям[1].

Недостаточная изученность языка кольских саами уже отмечалась в 1 главе настоящей монографии. Часть диалектов находятся на грани исчезновения. На сайте Подкомитета по делам Севера и малочисленных народов Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера представлена степень угрозы, которой подвергаются диалекты саамского языка на территории Российской Федерации: сколт-саамский (туломский) и тер-саамский (йоканьгский) почти исчез, аккала-саамский (бабинский) вероятно исчез (2003 г.), а кильдин-саамский подвергается серьезной угрозе исчезновения[2]. В такой ситуации особенно важно следовать рекомендации, представленной в докладе Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов г-на Джеймса Анайи от 23 июня 2010 г.: «В целях сохранения и развития языков коренных народов уже предпринято несколько крупных инициатив, хотя для возрождения находящихся под угрозой исчезновения или умирающих языков могут потребоваться дальнейшие усилия. Первостепенное внимание следует уделить мерам, обеспечивающим контроль коренных народов над программами, которые направлены на сохранение и развитие их языков»[3].

---

[1] http://wap.saami.forum24.ru/

[2] http://www.severcom.ru/nations/item48.html.

[3] Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов г-на Джеймса Анайи. С. 26. URL: http://www.indigenous.ru/ (дата обращения: 27.07.2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, А.А. Са̄мь букварь. – Л.: Просвещение, 1982. – 127 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Батоева, Д.Б. Семантика родильной обрядности у бурят [Текст]: автореф. … дис. канд. филол. наук: 07.00.07 / Дарима Баторовна Батоева. – Улан-Удэ, 2000. – 26 с.
4. Берков, В.П. Двуязычная лексикография: Учебник. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 248 с.
5. Берков, В.П. О словарях XXI века: (Из лексикографической футурологии) // Мир русского слова. – 2000. – № 3.
6. Богданов, Н.Б. Саамы Кольского Севера на пороге третьего тысячелетия // Наука и бизнес на Мурмане. – 2000. – № 4. – С. 5–7.
7. Бодрова, О.А. Специфика описания культуры саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века [Электронный ресурс] // Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера. URL: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=opensource/40.
8. Большакова, Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем [Текст] / Н.П. Большакова. – Мурманск: Кн. изд-во, 2005. – 416 с.
9. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика: Учебное пособие. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с.
10. Бубрих, Д.В. О древней прибалтийско-финской речи // Известия Карело-финск. научно-исслед. базы АН СССР. – 1949. – № 1. – С. 54 .
11. Бурыкин, А.А. Саамско-английский словарь Стефена Барроу 1557 г. [Текст] / А.А. Бурыкин // Вопросы уралистики / Научный альманах / Ин-т лингв. иcлед. – СПб.: Наука, 2009. – С. 111–119.
12. Валгина, Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
13. Венцов, А.В., Касевич, В.Б. Проблемы восприятия речи. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2003. – 240 с.
14. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 236 с.
15. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 19 с.
16. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 178 с.
17. Волков, Н.Н. Вопросы этнической принадлежности и происхождения саамов // Наука и бизнес на Мурмане. – 2007. – № 4. – С. 43–48.
18. Волков, Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки [Текст] / Н.Н. Волков. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Ве-

ликого (Кунсткамера) Российской академии наук. – Каутокейно; СПб., Саамский Институт, 1996. – № 1. – 106 с.
19. Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main.
20. Галкина, Э.А., Шаршина, Н.С., Максименко, О.А., Ушакова, Н.С., Данилова, С.С., Медведева, М.Г., Васильева, А.В., Цмыкайло, Т.Ф. Пути развития языков коренных малочисленных народов Севера // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Языки и культура кольских саами. – № 2 (69). – Мурманск: Кн. изд-во, 2010. – С. 35–44.
21. Гвоздарев, Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология [Текст]: учеб. пособие / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2008. – 352 с.
22. Георги, И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей [Текст] / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В.А. Дмитриева. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 808 с.
23. Горюшина, Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Горюшина Розантина Ивановна. – Волгоград, 2002. – 20 с.
24. Горький М. Мещане // М. Горький. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6: Пьесы (1901–1906). – М.: ГИХЛ, 1950.
25. Гурина, Н.Н., Хлобыстин, Л.П. Заселение Арктики [Текст] // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. – М.: Наука, 1975. – С. 404–411.
26. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов г-на Джеймса Анайи. С. 26. – URL: http://www.indigenous.ru/ (дата обращения: 27.07.2012).
27. Дьячков, М.В. Социальная роль языков в многоэтнических обществах: Пособие для ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Ин-т национ. проблем образования МС РФ, 1993. – 115 с.
28. Зайков, П.М. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование) [Текст] / П.М. Зайков. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 201 с.
29. Золотарев, Д.А. Лопарская экспедиция [Текст] / Д.А. Золотарев. – Ленинград: издание Государственного Русского Географического Общества, 1927. – 50 с.
30. Иванищева, О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Докт. дис. – СПб., 2005. – 411 с.
31. Иванищева, О.Н. Полевые исследования оленеводческой лексики саамского языка: сопоставительный анализ западных и восточных диалектов

(к обоснованию темы) [Текст] / Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сборник статей / науч. ред. О.Н. Иванищева. – Мурманск: МГПУ, 2008. – С. 25–30.
32. Иванищева, О.Н. Проблемы сохранения языка коренного малочисленного народа Кольского Севера и перспективы двуязычного образования [Текст] // Материалы Международной научной конференции «Двуязычное образование: теория и практика» (26–28 апреля 2011 г., Хельсинки, Финляндия) / под ред. М.В. Копотева, Е.Ю. Протасовой. – Хельсинки: Хельсинский университет; СПб.: Златоуст, 2011. – С. 108–109.
33. Иванищева, О.Н., Бутылева, А.М. Оленеводческая лексика кильдинского диалекта саамского языка [Текст] // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Вып. 11. – 2008. – С. 166–173.
34. Иванищева, О.Н., Прахова, А.Д. Ситуация языкового сдвига в местах распространения языка кольских саамов [Текст] // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. Москва, 12–16 ноября 2007 г.: Тезисы. – М.: РАН Институт языкознания, 2007. – С. 81–84.
35. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРРС, 2002. – 264 с.
36. Керт, Г.М. Значение саамского языка для финно-угорского языкознания [Текст] // Прибалтийско-финское языкознание. -- Вып. XII. – Труды Карельского филиала Академии Наук СССР, 1958. – С. 104–117.
37. Керт, Г.М. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова [Текст] // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1975. – Вып. 344: Тр. по финно-угроведению. 1. – С. 159–166.
38. Керт, Г.М. Образцы саамской речи [Текст] / Г.М. Керт. – М.: АН СССР, 1961. – 359 с.
39. Керт, Г.М., Зайков, П.М. Образцы саамской речи [Текст] / Г.М. Керт, П.М. Зайков. – Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. – 219 с.
40. Керт, Г.М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка [Текст] // Сов. финно-угроведение. – 1987. – № 2. – С. 93–100.
41. Керт, Г.М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова [Текст] / Г.М. Керт // Труды Карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание, 1960. – Вып. XXIII. – С. 110–134.
42. Керт, Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане. – 2007. – № 5. – С. 9–16.
43. Керт, Г.М. Саамская топонимная лексика [Текст] / Г.М. Керт. Карельский научный центр РАН. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 179 с.

44. Керт, Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект): Монография [Текст] / Г.М. Керт. – Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1971. – 355 с.
45. Керт, Г.М. Саамский язык [Текст] / Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – С. 49–57.
46. Керт, Г.М. Саамско-русские языковые контакты [Текст] // Прибалтийско-финское языкознание. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. – С. 99–116.
47. Ким, А.А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира [Текст]: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.07 / Александра Аркадьевна Ким. – Йошкар-Ола, 1999. – 41 с.
48. Киселев, А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера [Текст] / А.А. Киселев. – Мурманск: МГПУ, 2009. – 145 с.
49. Костина, Г.В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции [Текст]: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – СПб., 2006. – 175 с.
50. Костина, Г.В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений филол. специальностей / Г.В. Костина. – Апатиты: Кольский филиал ПетрГУ, 2007. – 111 с.
51. Кошечкин, Б.И. История изучения саамов Кольского полуострова [Текст] // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – С. 58–65.
52. Кошечкин, Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов [Текст] // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – С. 118-124.
53. Культурология: XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
54. Ленсу, М.Я. Религиоведение [Текст]: Учеб. пособие / М.Я. Ленсу, Я.С. Яскевич, В.В. Кудрявцев и др.; Под. ред. М.Я. Ленсу и др. – Мн.: Новое знание, 2003. – 446 с.
55. Лобазова, О.Ф. Религиоведение [Текст]: Учебник / Под общ. ред. проф. В.И. Жукова. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^{0}», 2005. – 384 с.
56. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
57. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 846 с.
58. Лукьянченко, Т.В. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – С. 108–117.

59. Манюхин, И.С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения) [Текст] / И.С. Манюхин. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. – 243 с.
60. Матвеев, А.С. О реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (на примере Мурманской области) // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: Научно-информационный бюллетень. – Вып. 14. Октябрь 2011. Издание Совета Федерации. – С. 10–23. URL: www.severcom.ru/files/.../xxxxx_14xxxxxxx.111228132854.pdf (дата обращения: 29.07.2012).
61. Мосолова, Л.М., Вагинова, Л.С. История культуры Кольского Заполярья [Текст]: курс лекций / Л.М. Мосолова, Л.С. Вагинова. – СПб.: Астерикон, 2006. – 150 с.
62. Немирович-Данченко, В.И. Страна холода. Виденное и слышанное [Текст] / В.И. Немирович-Данченко. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1877. – 518 с.
63. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.
64. Печенгскій монастырь, основанный Преподобнымъ Трифономъ, просветителемъ лопарей [Текст] / Историческій очеркъ. – С-Петербургъ, 1892 – 33 с.
65. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
66. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – М.: Наука, 2003. – 672 с.
67. Рождественский, Ю.В. Введение в культуроведение. – 2-е изд. – М.: Добросвет, 2000. – 288 с.
68. Розин, В.М. Метаморфозы российского менталитета: Философские этюды / В.М. Розин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 160 с.
69. Скляревская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] / РАН; Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 2000. – 280 с.
70. Стеблин-Каменский, М.И. Труды по филологии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 928 с.
71. Талигина, Н.М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов [Текст] / Н.М. Талигина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 176 с.
72. Теребихин, Н.М. Метафизика Севера: Монография [Текст] / Н.М. Теребихин. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 272 с.
73. Терешкин, С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка [Текст]: дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Сергей Николаевич Терешкин. – СПб., 2002. – 145 с.
74. Ушаков, И.Ф. Избранные произведения [Текст]: В 3 т.: Историко-краеведческие исследования / И.Ф. Ушаков. – Мурманск: Кн. изд-во, 1997. – Т. 1: Кольская земля – 647 с.

75. Ушаков, И.Ф. Избранные произведения: В 3 т.: Историко-краеведческие исследования. / И.Ф. Ушаков. – Мурманск: Кн. изд-во, 1998. – Т. 2: Кольский Север. – 376 с.
76. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
77. Хайду, П. Уральские языки и народы [Текст] / П. Хайду. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.
78. Харузин, Н.Н. Русские Лопари (Очерки прошлаго и современнаго быта) [Текст] / Н.Н. Харузин. – Москва: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1890. – 472 с.
79. Чарнолуский, В.В. В краю летучего камня [Текст] / В.В. Чарнолуский. – М.: Мысль, 1972. – 271 с.
80. Чарнолуский, В.В. Легенда об олене-человеке [Текст] / В.В. Чарнолуский. – М.: Наука, 1965. – 139 с.
81. Чарнолуский, В.В. О культе Мяндаша [Текст] // Скандинавский сборник. Т. 11. – Таллин: Ээсти Раомат, 1966. – С. 301–314.
82. Черняков, З.Е. Очерки этнографии саамов [Текст] / З.Е. Черняков. – Рованиеми.: Университет Лапландии, 1998. – 129 с.
83. Шабес, В.Я. Событие и текст. – М.: Высш. школа, 1989. – 175 с.
84. Шаршина, Н.С., Шеллер, Э. (при сотрудничестве с Антоновой, А.А.) Грамматика [Текст] Ч. 1 / Н.С. Шаршина. – Ловозеро, 2008. – 50 с.
85. Шаршина, Н.С., Шеллер, Э. (при сотрудничестве с Антоновой, А.А.) Грамматика [Текст] Ч. 2 / Н.С. Шаршина. – Ловозеро, 2008. – 42 с.
86. Шеллер, Э. Ситуация саамских языков в России [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане. – 2010. – № 2. – С. 15–27.
87. Шеффер, И. Лапландия [Текст] / И. Шеффер. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2008. – 440 с.
88. Щеколдин, К. Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии [Текст] / К. Щеколдин. – Архангельск, 1895. – 22 с.
89. Щербакова, Г. Восхождение на холм царя Соломона // Новый мир. – 2000. – № 3.
90. Эндюковский, А.Г. Саамский (лопарский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Под ред. Г.Н. Прокофьева. – М.; Л.: Учпедгиз, 1937. – С. 125–162.
91. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002. – 378 с.
92. Антонова, С. «Йсус пāррнэ кāннЊц» [Текст] / Пые рӯшш кӣлэсьт Куэлнэгк нāрк соāме кӣлтэ кӣлле Сāнндра Антонова, Луяввьр. – Стокгольм;– Хельсинки: Библия нымьп кӣлле пыйей Институт, 1996. – 64 с.
93. Господа мій Јисуса Христа Пась Евангеліе Матвеесть. Сāме кӣле. – Архангельск, 1884.
94. Махьтвеест пась-евангели. Самас. Евангелие от Матфея (на русско-лопарском языке). – Helsingissa, 1878.

95. Genetz A. Orosz-lapp nyelvtudomanyok. Mate evangelioma es eredeti textusok // Nyelvtudományi közlemények, 1, 15, 1879, s.74
96. Lundmark, B. Rijkuo-Maja and Silbo-Gammoe – towards the question of female shamanism in the Saami area [Текст] / B. Lundmark // Saami Religion: papers / The Donner Institute for research in religious and Cultural History Abo/Finland; Distributed by Almqvist & Wiksell International Stockholm/Sweden. – S. 158–169.
97. Rae, E. The White Sea Peninsula. A journey in Russiand Lapland and Karelia [Текст] / E. Rae. – London: John Murray, Albemarle street. 1881. – 350 s.
98. Sammallahti P., Хворостухина А. Unna sámi-cāмь sátnegirjjáš. – Ohcejoka, 1991.
99. Uralistica [Электронный ресурс] / URL: http://uralistica.com/group/mordva?groupUrl=mordva&id=2161342%3AGroup%3A2795&page=16.
100. http://www.gov-murman.ru/natpers/info/
101. http://base.garant.ru/181870/
102. http://www.gov-murman.ru/legal/charter/
103. http://www.internet-law.ru/law/smi/iazyk.htm.
104. http://www.rosvesty.ru/1958/guest/
105. http://www.severcom.ru/
106. http://wap.saami.forum24.ru/

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СРС – Афанасьева, Н.Е. Саамско-русский словарь [Текст] / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; Под ред. Р.Д. Куруч. – М.: Рус. яз., 1985. – 568 с.

ССРРС – Керт, Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский [Текст]: пособие для уч-ся нач. шк. / Г.М. Керт. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. – 247 с.

KKS – Itkonen, T.I. Koltan-ja kuolanlapin sanakirja [Текст] / T.I. Itkonen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1958. – 1236 s.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

АА – Антонова Александра Андреевна, 1932 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Териберке)

ГА – Голых Апполинария Ивановна, 1932 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Воронье)

ГВ – Галкин Василий Алексеевич, 1923 г.р., п. Ловозеро (род. в с. Ловозере)

ГП – Галкин Петр Алексеевич, 1928 г.р., п. Ловозеро (род. в с. Ловозере)

ГТ – Галкина Татьяна Гавриловна, 1934 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Чудьяввре)

ЕО – Еремеева Ольга Федоровна, 1941 г.р., г. Оленегорск (род. в п. Воронье)

ЛГ – Лукин Геннадий Петрович, 1949 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Чудьяввре)

ММ – Медведева Мария Гавриловна, 1949 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Воронье)

НА – Новохатько Анна Ефимовна, 1927 г.р., п. Ревда (род. в с. Ловозере)

ПМ – Попова Мария Алексеевна, 1933 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Воронье)

ЮА – Юрьева Анна Николаевна, 1934 г.р., п. Ловозеро (род. в п. Воронье)

ЮВ – Юрьев Валерий Онисимович, 1970 г.р., п. Ловозеро (род. в с. Ловозере)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ *(О. Иванищева)*..... 3

ГЛАВА 1. СААМСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ..... 4

1.1. Краткие сведения о саамах и саамском языке *(В. Бакула)*..... 4

1.2. Язык и культура коренного малочисленного народа: проблема взаимодействия *(О. Иванищева)*..... 10

1.3. Социолингвистическая ситуация на Кольском Севере и проблема ревитализации саамского языка..... 16

1.3.1. Диалекты саамского языка на Кольском Севере *(В. Бакула)*..... 16

1.3.2. Положение саамского языка на Кольском полуострове *(О. Иванищева)*..... 26

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКА СААМСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА..... 37

2.1. Источники изучения лексики духовной культуры саамов..... 37

2.1.1. Словари саамского языка как источники культурологической информации *(О. Иванищева, В. Бакула)*..... 37

2.1.2. Образцы саамской речи *(В. Бакула)*..... 45

2.1.3. Книги духовного содержания *(В. Бакула)*..... 47

2.2. Религия саамов и лексика верований *(В. Бакула)*..... 48

2.3. Обряды саамов и лексика обрядов жизненного цикла *(В. Бакула)*..... 62

ЗАКЛЮЧЕНИЕ *(О. Иванищева)*..... 80

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 82

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 89

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ..... 89

Иванищева Ольга Николаевна

Бакула Виктория Борисовна

ЯЗЫК И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КОЛЬСКИХ СААМОВ

Подписано в печать 13.03.2013 г. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 100 экз.
Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО) МГГУ.

Мурманский государственный гуманитарный университет.
183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15.